

АНДРЕЙ ПОТАПОВ

16+

ВТОРОСТЕПЕННЫЙ

Андрей Потапов
Второстепенный
Серия «Ткань Повествования», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57232185

SelfPub; 2024

Аннотация

Начинающий писатель Дима вместо космической фантастики вынужден писать заурядное фэнтези про попаданца. Таков контракт.

Вот только проблема. Хитроумный волшебник Серетун наотрез отказывается умирать и берёт историю в свои руки.

Хотя он всего лишь второстепенный персонаж.

Сможет ли отважный воитель Натахтал пожертвовать своей возлюбленной Астролябией, чтобы получить артефакт для победы над Злободуном?

Совладеет ли Дима со своей книгой и работой навигационного помощника?

И самое главное.

Насколько тонка грань между вымыслом – и реальностью?

Содержание

Пролог	4
1	11
2	18
3	27
4	33
5	40
6	49
7	56
8	64
9	72
10	80
11	88
12	95
13	103
14	109
15	117
16	125
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Андрей Потапов

Второстепенный

Пролог

Написание книги – все равно, что путь моряка домой. Каким бы сложным ни было приключение, это всегда дорога от начала к финалу. Остановок можно совершить бесчисленное множество, времени потратить – не дай бог каждому, но точно известно: однажды наступит тот самый счастливый конец.

Писать книгу сложно. Особенно, если выдавливаешь текст, в который сам не веришь.

Особенно, если пишешь в море.

Угораздило же перед уходом в рейс связаться с чересчур принципиальным издателем. Алексей – человек-столп, даже выше нерукотворного памятника Пушкина самому себе. Через него прошли самые видные фантасты, получив десятки переизданий, коллекционных сборников и – что самое важное – признание читателей.

А еще прошел мой рассказ.

Уж не знаю, какими судьбами короткая поделка «безымянного матроса» смогла оказаться под одной обложкой с мастодонтами отечественной фантастики. То ли невероят-

ное везение, то ли судьба. Правда, Алексей утверждал – пожалели.

Я был даже не против.

Если бы рассказом все и ограничилось, никто бы не удивился. Но дальше произошло нечто действительно фантастическое – Алексей пригласил меня к себе на рюмку чая.

Кабинет не то, чтобы просторный. Небольшая комнатуха в многоэтажном офисном здании близ центра Москвы. Посреди возвышался массивный стол, занимающий львиную долю пространства, а скрывалось помещение за дверью с убедительной табличкой: «Алексей Тихонович Зарицкий, главред».

– Присаживайся, – издатель обходительно указал на старый стул, а затем занял свое кресло размером в треть стола.

– О чем будет разговор? – с интересом спросил я.

– Сам как думаешь?

Ох не люблю же я, когда мне тыкают, попутно играя в угадайку. Слишком легкий способ демонстрировать превосходство.

– Вы позвали, вы и расскажите, – просто ответил я. Пусть не думает, что меня легко взять.

– Уговорил, – Алексей почему-то просиял. – Ты же понимаешь, что одним рассказом непонятого паренька мы ограничиться не можем? Уже вовсю интересуются, как мы вообще допустили, чтобы ты появился в том дурацком сборнике. Придется сделать из тебя писателя.

– Что значит – сделать? – все-таки, формулировка резанула ухо.

– Только не обижайся, – опасно-примирительным тоном начал Алексей, – но ты же понимаешь, что рассказ не шедевр, а сам ты не хватаешь звезд с неба. У нас таких, как ты, каждый день на пороге десятками. Разница лишь в том, что ты набрался наглости послать свой текст в наш патриотический сборник, а они – нет. Мы и подумали, что будет неплохим ходом засветить новое имя, а то заладили все вокруг по поводу золотых унитаза за участие. Ты стал доказательством того, что мы все делали бескорыстно, из любви к Родине.

– Допустим, – я почувствовал, как вспыхнули уши, но продолжил гнуть ту же линию.

– Теперь нас рвут в ключья вопросами: кто ты такой и чего от тебя ждать?. Мы не можем отступить и признаться, что ты был всего лишь прикрытием. Вот поэтому нам нужно сесть и поработать над твоим писательским будущим, – заключил главред. – Ты говорил, есть еще несколько рассказов. Покажешь?

– Пожалуйста, – я безразлично протянул Алексею флешку, где хранились плоды моего ленивого стихийного творчества.

– Прекрасно, – главред подключил носитель к системному блоку и уткнулся в монитор. – Небольшой опус про Хотея, странная история с путешествиями во времени, наследова-

ние за Шекли. Это... приемлемо.

Из тысячи возможных эпитетов Алексей мог выбрать самый оскорбительный, назвать меня бездарностью, вышвырнуть из кабинета – и было бы не так обидно, чем от его кислого «приемлемо». Одним лишь словом издатель сумел выразить целую гамму недовольства. Наверное, он уже жалеет, что вообще связался со мной.

– Приемлемо, – повторил я, чтобы заполнить паузу.

– Рассказы будем публиковать регулярно, пока не напишешь книжку, – утвердительно интонацией отчеканил Алексей. – У тебя ведь есть идея книжки?

– Ну конечно, – ответил я с легкой надеждой. – Уже много лет я думаю об истории планеты, похожей на Землю. У них другое общество, и это хороший способ противопоставить...

– Тише, тише, – перебил меня издатель, – космическая тема сейчас не в тренде.

– Как это? – я искренне удивился. – Но ведь марсианские колонии, возвратные ракеты, Илон Маск...

– Не спеши, – Алексей махнул рукой. – Людям не нужна высокоморальная научная фантастика. Думаешь, кто-то вспомнит сейчас о системе Контроля и гексах?

– Я.

– Молодец, – главред осекся и сделал небольшую паузу. – Но средний читатель хочет совсем другого. Сейчас гораздо популярнее фэнтези. Смотрел же «Игру престолов»?

– Остановился на первом сезоне. Не пошло, – честно при-

знался я.

– Это же самый популярный... – Алексей, ощутив, что заводится, остановил себя и уже мягче добавил: – Ты все-таки подумай. Станешь известным, будешь писать эпические книги, прямо как Ник Перумов.

– А как же «Звезды – холодные игрушки», или «Лорд с планеты земля»? – парировал я.

– Когда это было, – отрезал издатель. – Времена изменились.

– Видимо, выбора нет, – пожал я плечами.

– Значит, договорились, – Алексей протянул руку. – К концу рейса с тебя черновик. Если выстрелит, есть шанс, что больше не пойдешь в море.

– Договорились, – равнодушно ответил я и покосился в сторону двери.

– Не спеши так, – загадочно улыбнулся господин Зарицкий. – Сначала дам тебе несколько советов, о чем должна быть книжка.

– Слушаю.

– Читатели в последнее время стали немного странными, – начал длинную тираду Алексей. – Различные телепроекты избаловали их, предлагая исключительно тех персонажей, с которыми они уверенно могут себя ассоциировать. Причем, обязательно с долей социопатии. Шаблон уже настолько устоялся в незрелых разумах, что сейчас все больше читают о попаданцах.

– О попаданцах? – тупо переспросил я.

– О попаданцах, – подтвердил главред. – Шел по улице, упал, очнулся – только вместо гипса очутился в другом мире, откуда надо выбраться и попасть домой. И чтобы на пути было как можно больше преград. Вот такое сейчас читают, вот это сейчас любят.

– А если герою не обязательно хотеть возвращаться домой? – спросил я с таким же безразличием, как и раньше?

– Не помню, чтобы так делали, – Алексей на секунду задумался. – В этом что-то есть, однако.

Главред оживился и даже предложил мне чай из собственных запасов.

– Черный, пожалуйста, – сказал я. – Две ложки сахара.

– Благодарные новички носят мне подарки за публикации, – Зарицкий повел бровями с намеком. – Обычно в их пакетах коньяк и что-то шоколадное, реже – кофе или чай. Спиртное, конечно, я забираю домой. Прости, ты начал мысль. Можешь развивать.

– А что тут еще добавить, – лениво произнес я. – главному герою понравится, и он решит остаться.

– Может, он так бежит от реальности? – спросил Алексей у воздуха. – Или сам мир существует, чтобы прятаться в нем от жизни... что-то в этом есть, не находишь?

– Да, наверное, – в моем голосе энтузиазма не прибавилось. Издательство нуждалось во мне, чтобы прикрыть свой же косяк, но прекрасно понимало, что я в нем нуждаюсь

не меньше, и поэтому выдвигало свои почти ультимативные требования, отсекая для меня возможность писать то, что я действительно хочу.

– Мне нужно еще поразмыслить над этим, – главред дружелюбно посмотрел на меня. – Не спеши, допивай чаек, но когда закончишь – оставь меня в одиночестве. Не люблю думать при посторонних.

Чего только не сделаешь, чтобы осесть на берегу. Будешь выслушивать покровительственные фразочки от человека, которого видишь первый раз в жизни, возьмешься за книжку, сюжет которой тебя вообще не интересует, сдашь свои убеждения в обмен на сомнительные перспективы стать кем-то в мире, где все позиции уже расписаны на десятилетия вперед. Но ты будешь переть как танк, потому что другого варианта нет. Когда тебе представляется шанс укрепить свой имидж после первой громкой публикации, ты пойдешь на все – даже на книгу о попаданце.

Особенно, если работаешь в море.

1

Экран показал анимацию загрузки Windows. Все-таки, «семерка» никогда не устареет из-за своей надежности. Когда Билл Гейтс покинул пост директора, он, видимо, не предполагал, что компания продолжит выпускать новые версии. Сложно представить степень его разочарования.

Наконец, высветилась фотография зеленой лужайки с холмиком на фоне утопающего в облаках неба Калифорнии. Почему бы не позволить себе нотку ностальгии. В центре рабочего стола висело всего две иконки: «Герои III» и вордовский файл. Как бы не хотелось погрузиться в хорошее фэнтези, нужно продолжать свое.

Погожий субботний денек обещал быть плодотворным хотя бы потому, что в перерыве между вахтами не придется выходить на палубу. Все наполеоновские планы на проверку пожарных рукавов накрылись благодаря звонку индийского кадета.

– Привет, – раздался в трубке голос с выраженным акцентом.

– Привет, – ответил я, морально готовясь к странным вопросам.

– Старпом передал, что тебе нужна моя помощь, – заявил паренек.

– Было дело.

– Но сегодня же суббота, – возмутился Махеш.

– И что? – изобразил я недоумение.

– Выходной же, – страшным шепотом ответил кадет.

– Ладно, сейчас, – я нажал на отбой и позвонил старпому.

– Вот лентяй, – со смехом сказал Максим, услышав мою историю. – Ладно, он скоро уедет домой, протестируете с новеньким.

Так у меня освободилось несколько дней, чтобы продолжить повесть о великом воителе, противостоящем ордам злого владыки почти всех земель вокруг. Стандартная история об очередном олухе, перенесшемся каким-то чудом в другой мир и оказавшемся, само собой, бесстрашным героем.

Зато востребовано.

Я дважды кликнул по файлу с книжкой. Перед тонной заезженного текста нехотя замигал курсор. Что уже написано? Так, тут он поссорился, тут договорился, потом собрал войско... Ага, поехали.

И сцепились две армии на волшебном поле у не менее волшебного леса. Солнце предательски слепило глаза вояк, но они самоотверженно противостояли коварным лучам, с прищуром взирая на противника. Поначалу в ход пошли горы проклятий, а затем им начал вторить шквал стрел, пущен-

ных узкоглазыми эльфами, с таким трудом привлеченными к битве самим Натахталом. Восседая на своем верном гнедом жеребце, воитель рвался в бой первым. Левую руку гре-ла острая, как собственный ум, рукоять клинка, доставшегося от первого поверженного служителя тьмы в безумном, но уже таком родном мире; правую ногу украшал только вчера начищенный наколенник, а из маковки серебристого шлема непокорной красной рощицей торчало воинственное оперение.

Натахтал чувствовал – артефакт где-то рядом. Долгие годы он выслеживал эту вещицу, и, наконец, предводителя захлестнула непоколебимая уверенность, что сегодня – тот самый день, когда смерть Злободуна станет неминуемой.

Не счесть горя, которое злой владыка принес на свои земли. Ввергнув народы в кровопролитные войны, он не унимался и продолжал насылать все новые и новые орды на восставших против него воинов. За несметные запасы золота, томящиеся в беспокойном жерле Северного вулкана, темный властелин мог купить кого угодно, кроме честных сердцем повстанцев, не согласных подчиниться даже за все деньги мира.

Битва разворачивалась ужасающая. Со всех сторон доносились истошные крики, исполненные витиеватых ругательств, и затихающие после очередного удара мечом. Топот пеших войск дополнялся упоительным чавканьем копыт конницы, шедшей по трупам. Армия Злободуна численно

превосходила повстанцев, но brave мятежники не уступали воителям тьмы в настырности. Готовясь встретить по достоинству очередного врага, Натахтал занес клинок для смертоносного удара. Ярость затмила рассудок, растекаясь по жилам и замедляя время. Верный гнедой жеребец умерил бег, чтобы Натахтал совершил роковое для пособника тьмы касание лезвием. Прошла еще секунда...

Звуки битвы затихли, оставив за собой слабое эхо. Войска застыли, испепеляюще буравя друг друга полными ненависти глазами. Рука воителя замерла в положении «тебе несдобровать», и обе армии принялись ждать, решится их судьба.

Однако, дилемма. Кто же передаст артефакт Натахталу? Вряд ли он может быть у простого солдата. То есть, серьезно, Злободун не так глуп, чтобы разбрасываться собственной смертью, как Кощей Бессмертный. Тот праздный недоумок допустил, чтобы об игле не знал только ленивый. «В сундуке – заяц, в зайце – утка, в утке – яйцо». И почему-то эту присказку слыхала каждая собака, но не главный герой. Может, Иван действительно был дураком? Но Натахтал совсем другой. Ему нужна загадка и временный проводник в придачу. А что если быстренько ввести нового персонажа и сразу же его убить, чтобы не таскался за звездой книги...

Курсор мигал будто с вызовом. Мол, автор, ты тратишь

мое время на бездарные писульки, а я мог бы мигать и в другом месте. Ну не мигай. Все равно книгу придется дописать.

Стул уныло закрипел, и послышалось, как ложка бьется о края чашки. Уже пятый раз за день. И не жалко же сердечко, а.

«Он даже сахар размешивает невнимательно», – отметил про себя курсор, потому что в чашку отправилась сода.

Сиденье снова прогнулось от центнера сонной массы, и клавиши заклекотали, возобновляя великую битву.

Прошла еще секунда – и ловкий росчерк острия снес голову худосочному прислужнику тьмы. Испуганная лошадь, сбросив обезглавленного седока, умчалась куда глаза глядят, оставляя за собой разгорающееся пламя войны.

– Эй, Натахтал! – окликнул воителя командир батареи эльфов. Его вытянутые уши прижимали к голове совершенно гладкий шлем с изумрудами.

– Что, Тизуил? – во всю мощь глотки отозвался неутомимый боец.

– А я кое-что заметил, – будто дразня соратника, вымолвил эльф.

– Так говори! – властно крикнул Натахтал.

– Так посмотри, – Тизуил мог позволить себе неслыханную фамильярность с предводителем повстанцев. Однажды, уберегши Натахтала от верной смерти в удушающих объятиях разъяренного картежника, эльф навсегда заслужил место

в верхах повстанческой армии.

– Что за дела... – прошептал воитель, и челюсть его предательски отвисла.

В пылу битвы неутомимый вожак не заметил бы покосившийся домишко у самой опушки леса, но друг вовремя указал ему предначертанный судьбой путь. Натахтал уже где-то видел знаки, испещрявшие каменную стену хижины, и трудно было не распознать в этом совпадении перст судьбы.

Неужели, это его шанс покончить с темным властелином?

– Я отойду на минутку, – предупредил узкоглазого друга Натахтал.

– А ты вернешься? – дотошно уточнил Тизуил.

– Разве такое было, чтоб я... – бесстрашный воитель осекся, вспомнив несколько странных случаев, когда, проснувшись в непонятном кабаке, узнавал у местных пьянчуг исход затеянной им же битвы, и пристыженно добавил: – Постараюсь.

– Ну, хорошо, – узкоглазый эльф испытующе посмотрел на друга, а затем одобрительно кивнул. В глубине души он понимал, что Натахталу тяжело дается каждое поражение, и таков способ воителя снимать стресс – коротание вечера в компании пива.

Натахтал кивнул другу в ответ. Стегнув поводьями по мощной гнедой спине, воитель в полминуты пересек поле, оставив товарищей биться до последнего.

Они бы поняли.

Натахтал стремительно соскочил с седла, снял шлем и забарабанил кулаками в подгнившую по краям деревянную дверь. Стук облетел скромное жилище целиком, но не обнаружил ушей, до которых мог донестись. Замерев по центру типичной для алхимика средневековой гостиной, низкий гул не стих. Вместо этого, повысив тембр, он переродился в звонкий поцелуй отлипающего от раковины вантуза. И на том самом месте появился плюгавенький коренастый мужичок в рясе и с крестом на шее.

Так, а почему фэнтезийный ведун получился готовым в любой момент сжигать еретиков? Крест католический... Вылезло же откуда-то. Мужичок с изумлением озирался, пока ряса превращалась в поношенную мантию, лет сто назад сотканную из белой парчи с позолотой, а крест переплавился в несуразную руну, которой даже не существовало. Можно еще убрать чуток плюгавости и добавить бородку, пускай станет посимпатичнее. Такого больше пожалеют. Вот теперь совсем другое дело, не стыдно и в люди вывести.

2

Стук облетел скромное жилище целиком, пока не достиг ушей занятого чарами ведуна. Он не мог в открытую сопротивляться Злободуну, поэтому тихонько подсуживал битве прямо из своей лачуги. В окружении сотни колбочек и склянок творил хитроумное волшебство Серетун, черпая силу из сдавленных криков поборников тьмы. Волшебник ненавидел войну, и это чувство заставляло его способности расти. Каждая отобранная жизнь словно была по его нутру хлыстом, и боль, вырываясь наружу, помогала плести настоящее колдовство.

Любой волшебник в этом мире был сродни программисту. Одиночные заклятия не обладали достаточной силой, чтобы сокрушать армии и вершить историю, а комплексные чары требовали тщательно прописанного алгоритма. Колдуны создавали хитросплетения из магического кода, способные реагировать на любые неожиданности и подлости. Например, хижина, куда постучал Натахтал, могла испепелить нежеланного гостя на месте, если бы проверка показала, что пришла Злободунья челядь. Но, раз на пороге стоял сам предводитель повстанцев, домишке оставалось только придержать заряд до следующего раза, когда рядом окажется настоящий враг со злым умыслом.

Упорное буханье в дощечки не застало Серетуна врасплох. Чародей ждал, когда к нему придут, будь то союзник, или заклятый враг. Готовый дать отпор в любой момент, волшебник не боялся быть обнаруженным. Серетун даже отмахнулся от идеи замаскировать домишко, на фасаде которого плясали магические искры, озаряя таинственные знаки.

Сердце безошибочно почуяло, что на входе стоит тот, кого великий чародей уже давно ждал, и Серетун произнес:

– Я не открою!

*Перебор клавиши прервался. Я устало вздохнул и потер красные от постоянного контакта с монитором глаза. Рабочий день нависал темным вороньим крылом – прошло всего пятнадцать минут творческих судорог. Несколько нажатий на *backspace* убрали последнюю реплику. Можно продолжать.*

– Не затыкай мне рот! – вырвалось у ведуна. – Я же знаю, что меня ждет. Выйду к твоему славному воителю, отбарабаню заранее приготовленный текст и паду от шальной стрелы, – Серетун поморщился. – Пошло, очень пошло.

Да кто вообще его спрашивал? Ноутбук застонал от нажатия, но услужливо убрал и этот абзац. Курсор сочувственно поглядывал на ведуна, не зная, как реагировать.

Нужно проветриться, а то пишу непонятно что.

Снаружи меня приветствовал мерный гул вентиляции, сопровождаемый плеском переливающегося грязью Восточно-Китайского моря. Солнце еще высоко висело над головой, то и дело прячась за небольшими клочками тучек. Выгрызая себе место среди волн, судно резво шло в сторону очередного порта.

Осточертевший за несколько месяцев пейзаж был похож на заросшую занозу в пальце: и раздражает, и не избавишься. Сделав сотни одинаковых с виду фотографий, перестанешь замечать красоту окружающего мира. Бесформенные кучи ваты на небе не складываются в причудливые формы, преломляющиеся во всевозможные цвета закатные блики волн уже не радуют глаз, а чайки – просто чайки. Никогда не понимал, чем они могут нравиться.

Трудно искать вдохновение в том, что не блестит разнообразием. Кто-то может говорить, что моряки везучие, мир смотрят. Как человек, владеющий экспертным мнением в области путешествий, ответственно заявляю: портовые краны одинаковы везде. Линия причала, климат и ландшафт, конечно, могут отличаться, но на туристическую поездку наши рейсы мало чем похожи.

Вдоволь настоявшись под небом, не уверенным, плакать ему дождем, или улыбаться солнышком, я вернулся в каюту и с громким выдохом навис над ноутбуком.

...и чародей произнес:

– Настал час покориться судьбе.

Не прекращая таинственных движений левой рукой, Серетун пересек загадочную гостиную и открыл дверь.

– Здравствуй! – пророкотал массивный Натахтал. – Мне знакомы знаки на твоей хижине. Кажется, само провидение хотело, чтобы я сюда пришел.

Серетун какое-то время молчал. На его лице отобразилась внутренняя борьба: говорить, как хочется – или как правильно. Придя к однозначному решению, волшебник медитативно вздохнул и молвил:

– Я ждал тебя, о великий. У нас мало времени на загадки. Тебе нужно узнать, где лежит Артефакт.

– Но как ты?..

– Чародеям известно все, – с горделивой ухмылкой ответил маг.

– Поведай мне, о мудрейший, – не теряя достоинства, продолжил Натахтал.

– А, может, я не буду стоять в проеме, как debil? – глядя через плечо воителя спросил Серетун. – Ко мне гость пришел, невежа!

– С кем ты говоришь? – растерянно спросил Натахтал.

Чародей начинал настораживать неутомимого бойца. Было в нем что-то жутковатое, хотя оно же и располагало к себе. Непонятным образом Натахтал чувствовал одновременно страх и желание проникнуть в тайны этого необычного волшебника, живущего прямо возле поля, где повстанцы ре-

гулярно пытались одолеть Злободуна.

– Да есть тут один, – ведун состроил гримасу. – Ты не представляешь, до чего противный тип.

– Не отвлекайся, о мудрейший, – герой вернул разговор в былое русло. На фоне продолжилась воображаемая напряженная музыка. – Силы моих людей на исходе, нужна помощь. Вся надежда только на тебя.

– Ты проходи, проходи. – гостеприимно пробубнил Серетун. – Никуда повстанцы не денутся, а нам внутри безопаснее.

Едва чародей взял Натахтала за плечо, как в руку ему вонзилась стрела. Крохотная капля крови, попав на дверной косяк, тут же с шипением исчезла.

– Рано еще! – завопил Серетун. – Мазилы.

– Ты же подал знак... – возразили издалека, но ведун только махнул здоровой рукой в ответ.

– Что происходит? – в полном замешательстве спросил воитель. Серетун приложил палец к губам, а потом сказал:

– Сейчас наши реплики сотрут, не удивляйся.

Руки будто не слушаются! От удара кулаком по столу подпрыгнул Обормот, корабельный кот, все это время внимательно следивший за происходящим по ту сторону крышки ноутбука.

«Нехорошо. Парнишка на взводе, сегодня на почесушки пузика можно даже не рассчитывать», – подумал питомец.

«И сцепились две... волшебного... самим Натахталом...», – монотонно чеканил я слоги, будто пономарь, гундосящий молитву перед остывающей порцией перловки. Иногда приходилось пересчитывать вслух, чтобы услышать степень корявости написанного. – «Мазилы... реплики сотрут, не удивляйся».

Вот уж персонаж получается! Слишком своенравный. Нет столько времени стирать за ним и переписывать весь этот бред. Пусть говорит, что хочет, потом редактор подчистит. Конечно, его это не обрадует, но такова жизнь. Не всегда же делать то, что хочется.

Главное – вовремя убить зарвавшегося мага, пока не стало слишком поздно.

– Странно, не стерли, – изумился ведун, и тут же добавил: – Какой я тебе ведун, подчекрыжник болотный? Надо же было выбрать именно это слово, которое больше всего меня бесит.

– Ты в своем уме, старче? – испугался Натахтал.

– Старче? – зло переспросил Серетун. – Да мне полтинника еще нет, к твоему сведению.

– Ну, извини, извини, – пошел на попятный воитель.

– Ах, брось, – чародей мельком посмотрел в глаза Натахтала. – Это я не тебе, а ему.

– Кому «ему»? – смелый боец взялся за стрелу, все еще торчащую из руки Серетуна, – Впрочем, надо бы рану обра-

ботать.

– Не парься, – ответил чародей. – Скоро все само пройдет.

– Ладно, – Натахтал потерял желание разобраться в этих странностях, хотя мог бы услышать от нового знакомого, что о стреле скоро просто забудут, и она сама пропадет. – Я пришел, о великий волшебник, из далеких земель, чтобы свергнуть Злободуна и вернуть в этот мир справедливость.

– Я знаю о тебе, благородный герой, – молвил с хитрым прищуром Серетун, подначивая сюжет продолжиться, – и ждал твоего прихода. Чтобы раздобыть Артефакт, ты должен отправиться к Ущелью Смерти и встретиться с Альтизаром, стражником перехода между мирами. Неприятнейший тип, разговаривает безо всякого уважения, будто к нему обращается мешок с мусором. Ах да, по пути ты пройдешь еще любовную арку, и тут!..

– Что? – вздрогнул Натахтал. Час от часу не легче. Слова волшебника уязвляли его самолюбие, потому что воитель уже ничего не понимал.

– В общем, мужик, – Серетун, осознав нечто удивительное, впервые посмотрел на героя, как на живого человека – с долей сострадания, – этот Альтизар, будь он неладен, так просто артефактом не делится. Тебе придется пожертвовать возлюбленной.

– Нет у меня никого, – с грустью ответил Натахтал. Взвалив на себя миссию по расправе с темным властителем, массивный боец позабыл о личной жизни на долгие годы.

– Ау, слышишь меня? – возмутился великий маг. – Скоро повстречаешь изумительной красоты девицу, чтобы потом, скрепя сердце, выменять ее жизнь на Артефакт.

– Велика твоя сила, чародей, – изумился опечаленный воитель, – но откуда ты знаешь столько о будущем?

– Пусть это останется большой тайной, – ответил Серетун. Интуитивно он понял, что нельзя раскрывать свою связь с автором, не то и Натахтал, и он сам окажутся в беде. Некоторые секреты еще не время озвучивать. Стоит отвлечь этого милого недотепу другой темой. – Странное у тебя имя, воитель.

– Хм, почему? – голос бесстрашного бойца дрогнул.

– Звучит, как будто кто-то натоптал, ей-богу, – Серетун театрально закатил глаза. – Нахал, натоптал, напихал. Ужас какой-то.

– Вообще-то, я Арсений, – обиделся воитель. – А это творческий псевдоним.

– Я буду звать тебя Сеня! – обрадовался Серетун. – Так вот, Сеня, дальше держать тебе путь одному. Не могу я пойти... тьфу, как ты мне надоел! Я буду говорить, что захочу, и хоть ты тресни там. Вставай, будем выручать твою Дульси-нею.

– Кого? – Натахталу становилось все более неуютно, хотя он и начинал чувствовать привязанность к этому сумасбродному волшебнику.

– Не придумали еще твоей возлюбленной имя, – оставив

воителя в недоумении, маг рванул к двери. Выбираться нужно осторожно. Мало ли, какие козни заготовил Серетуну наспех слепленный сюжет.

Ну каков наглец! Ничего, завтра ты получишь свое...

3

Работа навигационного помощника крайне ответственна. Стоя у руля, мы отвечаем по меньшей мере за двадцать жизней, и всего лишь одна глупая ошибка может их забрать. В любую погоду, будь то ослепляющее чистотой небо, или бесконтрольное буйство стихии, мы не даем судну сбиться с курса. Независимо от настроения и состояния здоровья, мы поднимаемся на мостик и берем командование, по очереди сменяя друг друга. Пока все спят, один из нас решает судьбу целого экипажа.

Ночь – наше время.

Под равнодушное молчание океана мы остаемся наедине с собственными мыслями. Наружу выбираются самые потаенные частички души, обнажая мрак, скопившийся за время, проведенное вдаль от дома. Тьма небес окутывает и без того уставший разум, ясные образы сменяются миражами. Расплывчатые мысли напоминают эхо-сигналы радаров, которые засекали огромные тучи на пути. Приглушенный свет экранов застилает полупрозрачное марево, меняющее рисунок вслед за движением антенны. Так и наши разумы извиваются в поисках формы, которую никогда не смогут обрести, покуда вокруг темнота и неизвестность.

Мы бесстрашные, но многого боимся.

Собственная жизнь не идет ни в какое сравнение с волнением за родных. Если что-то случится на судне, то затронет, прежде всего, их. Может, есть еще отчаянные романтики, выбирающие море ради полыхающих алыми парусами закатов, но сюда идут помогать семье. Мы далеко, зато родные не будут нуждаться. Ни один эхолот в мире не способен измерить глубину этих переживаний, ни одна шкала, как ни переключай, не сможет высветить на дисплее что-то кроме “Below transducer”¹. Самые мрачные Марианские впадины только в нас самих.

Выходить с такими мыслями на вахту – не лучшая идея. Хорошо, что старпом с юмором и не дает слишком углубиться в себя.

Наблюдая за повадками капитана, впервые оказавшегося на довольно крупном судне, мы придумали игру «О чем сегодня плачет мастер». Уверен, что каждый хоть раз в своей жизни встречал человека, способного переживать по любому поводу. Или сам представляет этот социально опасный вид. Василий Петрович, как раз, относился к таким. Приходя вечером на мостик, он всегда находил, на что посетовать: ветер слишком сильный или слишком слабый, рано солнце село или поздно, едем (идем?) слишком быстро или не успеваем. И стало нам с Максимом интересно угадывать, какие думы тяжкие одолевают капитана, с чем он будет приходить

¹ Значение «ниже датчика», когда глубина становится настолько большой, что ее невозможно измерить

на мостик и по какому поводу плакаться.

– Мне кажется, что Василий Петрович сейчас придет и сбросит скорость, – сказал я, взглянув на умные электронные карты, – а то рановато мы к порту подходим.

– Уверен? – иронично спросил старпом.

– Даже скажу, что сбавит три оборота.

– Ну, хорошо, – Максим откинулся на спинку кресла. – Сейчас увидим.

Капитан не заставил долго себя ждать. Пришел нахохленный, мрачно поздоровался и начал знакомиться с обстановкой. Дойдя до карт, проронил сакраментальное: «Слишком быстро едем», взялся за ручку телеграфа и убавил ровно три оборота гребного винта, а затем, пожелав спокойной вахты, растворился в ночи.

Мой победный взгляд вынудил старпома сказать:

– Допустим, ты победил. Но я отыграюсь.

– Только не говори ему, что Махеш отказался работать и саботировал мои планы.

– Боишься, что злой Василий заставит тебя проверять шланги в одиночку? – усмехнулся Максим.

– Он не шибко меня любит и на все способен, – ответил я со вздохом.

– Уговорил, не буду, – как можно более драматично произнес чиф². – Смотри-ка, он возвращается.

² Chief Officer (англ.) – Старший помощник. Чиф – бытовое сокращение для удобства.

По лестнице, ведущей с палубы ниже, снова поднялась мрачная тень, которую все считали капитаном.

– Максим, что же ты еще не спишь? – спросил Василий Петрович. – Ведь у нас тут на мостике самый надежный помощник.

– Общаемся еще, – миролюбиво ответил старпом, тихонько пнув меня под покровом темноты, чтобы я молчал в ответ на ехидный выпад.

– Наверное, меня обсуждаете? – капитан пытался задать вопрос весело, но от этого стало еще более неловко.

– У нас полно, чего еще обговорить, – вступил я. – Средства безопасности, все такое.

– Сегодня, кажется, суббота? – уточнил с нажимом мастер. – Инспекции были?

– Да, – коротко подтвердил я.

– Максим, он тебе отчитывался? А то я уже поймал его на том, что проверка велась без чек-листа.

– Конечно, все в порядке, – примирительно сказал старпом.

– Ну, ладно, – с легким недоверием ответил капитан. – Я, собственно, чего пришел. Сильно вибрировать начало, как скорость сбросил.

На этих словах Василий вернул три оборота обратно, пожелал мне спокойной вахты и ушел.

– Чтобы ты победил, – торжественно растягивая слова, выговорил старпом, – предсказание должно было продер-

жаться хотя бы пять минут.

– Спать пора, – ухватился я за единственный шанс соскочить с темы. – Спокойной ночи.

Радостно улыбаясь, Максим спустился вниз и хлопнул дверью, снова оставив меня наедине с собой. Конечно, рядом все время находился смотрящий вперед филиппинский матрос, но субординация не позволяла общаться чересчур подружески, поэтому я предпочитал молчать.

Был бы капитан менее мнительным, сейчас бы тучи над головой разгоняла музыка из портативной колонки, но Василий выступал категорически против. Хорошая песня ведь может легко отвлечь от езды по пустому водоему, и мы упадем вниз, проломив хлипкое ограждение... то есть, вылетим на встречу и окажемся под колесами белазы... нет? Мы же не на автостраде, где жизнь от смерти отделяют секунды, а музыка все равно доносится из каждого уголка салона. Здесь намного труднее: на раздумья каких-то полчаса, а потом, будь добр, отверни. Времени не хватает даже обойти мостик по кругу, а уж о расхождении с другими пароходами я вообще молчу.

Иной раз удивляешься, как посреди океана умудряются найтись два дипломированных судоводителя, которые, обладая всеми возможностями избежать непоправимого, ведут переговоры стратегической важности по ультракоротким волнам, неверно понимают друг друга – и создают неопишуемые по глупости аварии, о каких потом стесняются

рассказывать студентам замшелые преподаватели.

Нестройный ход мыслей начал сбиваться с житейских проблем капитанского помощника. В голову залез Серетун, этот невоспитанный волшебник, появившийся из ниоткуда, но уже прочно закрепившийся в повествовании.

Когда-то я читал о том, что тексты могут создавать сами себя. Казалось, это просто удачная метафора. Герои придуманы, воображение их впитало, а дальше только смотришь за ними да записываешь. Так-то все правильно, только почему на деле вышло совсем буквально?

Без особого пиетета к создателю, персонаж захватил его разум и заставил плясать под свою дудку, не брезгуя коверканьем сюжета прямо перед изумленным Натахталом. Вместо смерти, чародей выбрал судьбу второстепенного спутника, короля эпизодов.

С доставучим волшебником нужно разобраться сейчас, иначе и без того шаткая структура книги сойдет на нет, превращаясь в фарс о сумасшедшем маге и его ручном воителе, который, на самом деле, главный герой. Кто захочет читать подобную чушь?

Если ее вообще опубликуют.

Самым разумным мне сейчас представлялось улечься спать, предоставив мозгам разобраться с проблемой самостоятельно, без моего вялого участия. Задача поставлена четко: Серетун не должен дойти до города. А уж каким способом его остановить, я найду.

Снаружи не доносилось никаких звуков, но едва Серетун прижал ухо к дощечкам, войска зашумели, как по команде. Мечи с лязгом сошлись; лошади продолжили месить кровавые трупы, а стрелы пронизывали воздух со свистом снаряда воздух-земля, но его здесь не изобрели, и поэтому сравнение не настолько уместно.

– Молодец, вспомнил о них, – пробубнил себе под нос волшебник. Раздражение переполняло его с каждой секундой все больше, а громоотводом мог служить только вляпавшийся в непредвиденный судьбой переплет Натахтал. Воитель чувствовал себя уже порядком неудобно от нападков Серетуна, но решил терпеть их во имя победы над опасным и коварным противником. Чем зло невидимее, тем оно коварнее. А Злободун был самым коварным: его вообще никто и никогда не видел.

Открыв дверь настежь, Серетун уклонился от стрелы, которая вонзилась прямо в косяк, перед которым он только что стоял. Волшебник даже бровью не повел.

– Ты повторяешься, – обратился маг к невидимому собеседнику. – Все равно я прорвусь.

– Не могу я вот так бросить свое войско, о великий, – забеспокоился отважный Натахтал. – Без командира вся армия

ляжет от мерзких лап прислужников тьмы. Тизуил очень расстроится, когда узнает, что я снова загулял.

– Если мы все правильно сделаем, то твои люди будут в порядке, – спокойно ответил волшебник. – Сейчас мы обойдем битву лесом и устремимся к городу на той стороне. Когда листва скроет от нас войска, они замрут, пока не понадобятся снова.

– Дай хоть коня забрать, – смелый воитель почувствовал себя школьником, которого вели к директору. Так же, как и провинившийся мальчишка, он знал – его наказывают, но не понимал, за что.

– Нельзя, – просто сказал Серетун. – Так меньше шансов, что нам помешают. Не хватало мне животного без должного уровня самосознания. Им же можно управлять, как заблагорассудится. Ты хочешь, например, чтобы жеребец вдруг взял и лягнул меня?

– Дай подумать, – без задней мысли ответил неутомимый боец и действительно принялся напряженно думать.

– Ой, да пошли уже, – нервно дернулся волшебник, толкнув воителя в спину.

Обогнув покосившуюся хижину, герои попали напрямиком в сказочный лес, где запах выжженного сухостоя сменился щедрой свежестью налитых соком деревьев. Здесь водились удивительные по красоте создания и безжалостные порождения самой тьмы, охотиться на которых было если не глупостью, то весьма опрометчивым решением. Люди быва-

ли здесь нечасто, поэтому среди густых зарослей не было оформленной тропы, только хаотично смятая трава. Единственным ориентиром для двоих путников служил мох, покрывающий северную сторону камней.

– Странная здесь природа, – заметил волшебник, – В жизни все совсем не так.

От этого проклятого мага пора избавляться! Все карты спутал, ведет себя, словно невоспитанный выскочка. Как укокошить персонажа, который перетянул одеяло на себя? Сеня... тьфу, Натахтал на его фоне выглядит безвольным тьюфяком. А он ведь протагонист и не может уступать всяким второстепенным личностям.

Один Робин Гуд в исполнении Костнера уже просел на фоне Алана Рикмана в роли шерифа Ноттингемского. Из резко положительного героя получился эдакий пионер-простачок, подаривший все женские сердца злодею. С Натахталом такой номер не пройдет.

Успокоились и думаем рационально. Если герои пошли в лес, то, в любом случае, их будут поджидать опасности. Там же всякие монстры водятся, вурдалаки и прочая нелюцеприятная живность. Нормальные люди охотиться на них не станут – боязно. А вот браконьеры – запросто. Народец без страха и совести. Такой вариант годится.

Изловим противного волшебника и устроим ему пышные проводы со спецэффектами. Даже не поскупимся на Майк-

ла Бзя с его фирменными взрывами. Все равно, он будет вообразимый и денег не потребует. Зато с Серетунном будет покончено раз и навсегда.

– Ай! – вскрикнул Серетун и повалился на землю.

– Что случилось? – воитель, присев рядом, обнаружил, что в ногу волшебника железными челюстями впился капкан.

– Не пускает он меня дальше, – дрожащим голосом ответил чародей, но быстро пришел в себя и уже совсем другим тоном добавил: – Плевать, помощи освободиться.

Внезапно земля задрожала, и началось извержение вулкана в опасной близости от героев. Натахтал предстал перед ужасающим выбором: бросить нового союзника на сожжение лаве или погибнуть в попытках спасти чародея, так и не завершив великую миссию. Противоречия раздирали благородную душу воина, однако, до соприкосновения с раскаленным потоком оставались считанные минуты, и стало ясно, что придется поступить жестоко.

– Не катит, – возразил Серетун. – Твой Везувий миль на тысячу севернее, лава сюда не добежит. – А потом справедливо пристыдил: – Совсем географию не знаешь.

– Господи, он бредит, – запричитал храбрый воин, – наверное, болевой шок.

Отважный боец начал суетливо искать увесистую палку, чтобы сделать рычаг и раскрыть железные челюсти капкана.

Проявляя недюжинное усердие, Натахтал опустился на колени и стал ползать прямо по траве. Трижды зацепившись правой ногой за один и тот же камень, неутомимый воитель сорвал с колена изрядно потрепанную броню. Ненароком коснувшись укрывшихся под ольхой мухоморов, Натахтал отдернул руку и почему-то принялся оттирать ее сорванным с ближайшего лопуха листом. Серетун перестал артистично причитать и сказал:

– Тяни время, сколько хочешь. Я не умру от сепсиса.

Отбросив несчастный лопух, отважный воитель тут же наскочил на подходящую палку и с горящими глазами вернулся к чародею. Пока Натахтал старательно пыжился, разжимая капкан, Серетун с интересом наблюдал за попытками себя убить.

Густые заросли расступились, выпуская на свет нечто. Внезапно, словно из геенны огненной, вырвалось порождение тьмы, чтобы броситься на истекающего кровью волшебника.

– Ты сам-то представляешь, как оно выглядит? – иронично спросил Серетун. Лицо этого проныры мало того, что не выражало страха, еще и расплылось в самодовольной ухмылке.

Ну, выскочило порождение тьмы, такое... темное, с зубами, а лапы оканчиваются острыми когтями.

– Кролик! – радостно выпалил волшебник, и тут же в руки к нему угодило маленькое ушастое создание.

Серетун прижал его к себе, аккуратно поглаживая по спинке, но травоядный питомец пропал, и потянулась вместо него тонкая лента пара, благоухающего мятой. Волшебник с досадой резко лег обратно.

– Не дергайся, – напряженно предупредил Натахтал, из последних сил разжимающий безжалостные челюсти капкана. Механизм стиснулся настолько, что и рычагом было не вскрыть. Еще десять секунд возни – и под недовольный лязг челюстей нога Серетуна освободилась.

– А ведь знаешь, что совесть у тебя хромая, – обратился волшебник к воздуху.

– Спасибо, Натахтал, – уязвленно произнес воитель. Он уже начал свыкаться с непонятными репликами волшебника, но отсутствие слов благодарности вытерпеть был не в силах.

– Сеня, спасибо, дорогой, – Серетун переменялся в лице, давая понять, что говорит искренне.

Натахтал в кои-то веки просиял и улыбнулся, почувствовав себя вновь кому-то нужным. Хотя, это событие не умаляло того факта, что воитель уже явно играл на вторых ролях.

Неустршимый боец бережно взял под руку Серетуна, и тот, отбросив обычную гордость, позволил себе помочь. Волшебник прекрасно осознавал ответственность за Натахтала, которую сам на себя взвалил. И никакая покусанная капканом нога не могла помешать ему в сопровождении героя по самым темным закоулкам владений безобразного Злободу-

на, кем бы он ни был.

Уже почти друзья уже почти в обнимку медленно следовали по направлению к городу, оставляя позади волшебные деревья.

Почему он выбрался? ПО-ЧЕ-МУ, я спрашиваю! Все же было идеально подстроено, и только вулкан испортил такой гениальный план. Ударить лицом в грязь прямо перед собственным персонажем. Кто бы мог подумать. Мне нужно успокоиться. Иди сюда, Обормот. Ты меня понимаешь, как никто другой.

Если бы кто-нибудь вошел сейчас в каюту, непременно отпустил бы шуточку о стереотипном злодее: кресло скрывало фигуру человека, и только рука неторопливо поглаживала ошалелого от счастья кота.

А ведь злопыхатели даже не догадываются, как это помогает уставшему писаке собрать волю в кулак и продолжать трепаться на заданную тему, не вызывающую абсолютно никаких эмоций, кроме, пожалуй, усталости.

Можешь не писать – не пиши. Так почему же я пишу? Я ведь не могу не писать то, что хочу писать, а то, что не хочу, уже и видеть не могу. Какие там вопросы о судьбах человечества, если я застрял на битве за вымышленный, никому не интересный мир?

– Скажи мне честно, чем тебе не угодил Злободун? – даже хромая, Серетун умудрялся оживленно болтать. Предложение Натахтала поехать у него на горбу самодовольный волшебник отверг странным афоризмом о пользе боли в воспитании мужчины.

– Как это, чем? – поразился храбрый воитель. – Он житья не дает вашему миру.

– А что конкретно он делает не так? – волшебник стал напоминать себе психолога, проводящего недешевый прием. Шутка ли – тратить столько времени, чтобы единицам раскрывать глаза на очевидные вещи. А в мире таких нуждающихся большинство.

– Он постоянно со всеми воует, – на лице Натахтала отобразилась тяжелая работа мысли, – гнобит людей. Даже мои друзья слово боятся сказать против темного властителя. А уж они не из робкого десятка.

– Интересно, – ответил Серетун загадочно. – У нас за спинами сражаются две армии, глотки друг другу режут, животы вспарывают. Кто из них первый начал?

– Мы объявили ему войну. Подполье организовали, так сказать. – с нотками гордости ответил Натахтал. Все-таки, не один год ушел на создание мало-мальски приличного со-

противления.

– То есть, ты, Сеня, собрал армию и выступил против кровавого узурпатора, – подытожил великий чародей.

– Конечно! – воспрял воитель. – Кто б еще его остановил.

– Пока не улавливаешь, значит, – Серетун разочарованно покачал головой. – Хорошо, давай так. Вел ли за последние годы Злободун и другие войны?

– Постоянно, о, волшебник. Он подавил уже не одно восстание... настоящий тиран!

– Стало быть, Злободун ни разу не выступал инициатором? – чародей решил атаковать прямо в лоб.

– Нет, – Натахтал резко остановился и взглядом ухнул куда-то в себя.

– Неужели, – с облегчением выдохнул чародей. Все-таки Серетун не оставлял надежд достучаться до смелого воителя.

– Тогда получается, что Злободун, – взор храброго бойца просветлел, – еще более коварен, чем я думал.

– Да-да, – поникшим голосом ответил Серетун. – Сволочь и узурпатор.

– Нужно быть предельно осмотрительным, – заключил не без гордости воитель. – Спасибо тебе, о, волшебник, за предостережение.

Следующие три часа герои шли молча. Серетун, хоть и опирался на благородную руку воителя, ни разу на него не посмотрел.

Стол под ноутбуком противно завибрировал. На экранчике телефона высветилось: «Издеватель». Курсор, почувяя неладное, решил втянуться поглубже и пропал с монитора.

И ведь знает Алексей, что на борту есть связь. Надо будет как-то сказать ему, что сигнал не всегда ловится, и в этом утверждении – ни капли лжи! Если вдруг судно повернется к спутнику своим сорокавосемиметровым тухезом, то плакал мой интернет, потому что мачту с антенной надежно перекроет массивная двухголовая труба, чадящая низкосернистым, но оттого не менее вредным дымом.

– Добрый день, – ответил я с напускной вежливостью. – Чем обязан звонку в столь погожий день?

– Ты давай там не ерничай, – сходу атаковал Алексей на том конце связи. – Я не знаю, какая у тебя погода. Скажи лучше, как дела с книгой. Время идет, тянуть нельзя.

– Пишу я, пишу. До концовки уже недалеко, – устало сказал я

– Придумал, как победить своего Темного Властителя? – поинтересовался собеседник.

– Да, – от неловкости я заерзал на кресле. – Только пришлось его переименовать, а то звучало банально.

– И как же?

– Злободун.

В трубке повисло тяжелое молчание.

– Ладно, – ответил после паузы главред. – Допишешь, а

там поглядим.

Раздались хриплые гудки.

За те несколько месяцев, что я в рейсе, любезность месье Зарицкого поубавилась. Из раза в раз, отсылая новые главы по почте, я разочаровывал единственного человека, в чьих руках была судьба любой моей последующей книжки. Преодолев на первых порах периодическое косноязычие в тексте, я все еще не понимал, как сделать сюжет увлекательным, а героев – по-настоящему живыми.

Единственным светлым пятном стал Серетун. Но чертов волшебник мешает, ломая хлипкую конструкцию, прозванную в народе сюжетом. Если самое удачное, что есть в книге, написано не мной, может, вообще не стоит тогда писать?

Проковыляв какое-то время в тишине, Серетун понял, что великий воитель – гораздо лучший собеседник, чем собственные мысли. С подозрением оглянувшись, чародей решился разорвать молчание очередным замечанием:

– Странный ты курс проложил через заросли.

– Потерпи, до города осталось совсем немного, – заботливо ответил Натахтал. Его и так терзало чувство вины за то, что не получилось углядеть зорким глазом столь предсказуемый капкан.

– Да нет же, смотри, – Серетун остановился. – Мы должны были пойти напрямик и уже добраться до цели, но вместо

этого навернули какой-то крюк.

В подтверждение своих слов чародей сделал пару волшебных пассов, подсвечивая преодоленный путь. На огромном вспушенном лесном теле появилась искристая оглобля, однозначно намекая на то, что путники могли бы сэкономить миль десять.

– Раз ты такой умный, почему ногу не вылечил? – вдруг ощетинился Натахтал.

– Правильные вопросы задаешь, – с уважением подметил чародей. – Не хочу тебя расстраивать, но именно здесь мои полномочия кончаются.

– И что же делать? – грустно спросил воитель.

– Идти дальше, – мужественно ответил Серетун. – Быть может, выведет кривая к счастью.

Натахтала, привыкшего к недомолвкам и пространным чародейским заявлениям, такой ответ абсолютно устроил. Как можно сомневаться в великом чародее, да еще и настолько самоуверенном? Похоже, он действительно обладает знаниями, способными помочь в схватке с неимоверно подлым Злободуном.

Дойдя до небольшой прогалины, где блики солнца собирались в причудливые островки, напоминающие то ли котенка, то ли расщепленный изотоп ванадия – насколько у вас хватит воображения – герои услышали копошение в кустах. Подготовленный к любым опасностям, Натахтал прислонил волшебника к ближайшему дереву, а сам достал победонос-

ный клинок. Пока заботливый воитель проделывал эти манипуляции, шорох стих, почти сразу повторился с большей силой. Готовясь к обороне, Натахтал решил, что лучшая защита – нападение, и грозно крикнул:

– Кто здесь?

Ответом ему стало нестройное эхо, резанувшее тонкий слух Серетуна фальшивыми нотами.– Последний раз спрашиваю: кто здесь? – бравый воитель присел и начал медленно продвигаться к кустам, держа оружие наизготовку. Шлем, к сожалению, потрясенный воитель оставил в лачуге Серетуна.

Едва слышимые шаги заставили Натахтала напрячь слух до предела, что позволило уловить даже отголоски шебуршания муравьев, строящих неподалеку новый дворец . Еще ближе к кустам, еще ...

Хрусь!

Под ногой треснула ветка. Неустрашимый воитель отступил назад, готовясь отразить удар мощным блоком агеуке, подсмотренным у воинов эльфийского корпуса повстанцев. Листья неведомого растения зашевелились, выпуская на свет сгорбленного старичка с четырехлистным клевером в руках.

– А, ты, – Натахтал, убрав клинок, облегченно выдохнул. – Какого служителя тьмы так пугать меня?

– Не видишь – травки собираю? – забрюзжал старичок.

– Вот так берешь – и вставляешь нового персонажа в

уже написанную главу, – шепотом возмутился хромой маг. – Предупреждать же надо.

– Серетун, знакомься, это Дрободан, – жизнерадостно произнес воитель. – Мой любимый поставщик зелий, травки и кое-чего покрепче.

– Рад знакомству с коллегой, – согбенный старичок в приветствии согнулся еще больше.

– А уж как я рад! – натужно ответил чародей, подумав при этом: «Какой я тебе коллега, бомж в обносках?»

Волшебник, пусть и не желая этого признавать, ощутил некую дружескую ревность ко внезапно материализовавшемуся Дрободану.

– А ну, тихо. Я все слышу, – огрызнулся шепотом Серетун.

– Куда путь держите? – старческим голосом поинтересовался травник.

– В Пейтеромск, – ответил наивный Натахтал. – Пора бы наведаться в это местечко за столько-то лет.

– Я же тебя предупреждал – туда не ходить! – сварливо сказал Дрободан. – Не то большая беда приключится.

– Так-так, – оскорбился Серетун. – Великий суповар указывает, что нам делать?

– Только не начинай, пожалуйста, – с изрядной долей неловкости попросил великий воитель.

– Отчего же, – благостно молвил травник. – Пусть выскажется, а мы слушаем.

Серетун, принявшись гротескно жестикулировать, разра-

зился целой тирадой, которую выговаривал с особым напором на начало каждого предложения:

– Он хочет сразить Злободуна. Я вызвался ему помочь. Путь наш лежит через город. Там на север течет речка. Мы снимем судно подшевле. Дальше тебе ничего знать не следует.

Думая, что поставил жирную точку в только зарождающемся споре, Серетун скрестил руки на груди. Частичная потеря равновесия ничуть не умалила достоинства, с которым он это сделал.

– К Альтизару лыжи наострили? – коварно осведомился травник. – Так он не поможет.

– Много ты знаешь... ведун, – последнее слово прозвучало из уст Серетуна как оскорбление.

Натахтал прекрасно понимал, что за этот день уже заработал тонну комплексов, и сейчас ситуация нехорошо обострялась.

– Побольше, чем ты думаешь, – Дрободан улыбнулся, вызвав у волшебника приступ гнева, который он еле сдержал.

– Вот мы пойдем сейчас дальше, – Серетун почувствовал почву под ногами, найдя потрясающий аргумент, – точнее, я поковыляю, а Натахтал медленно покрадется. И что ты нам сделаешь?

– Ничего, – резонно ответил Дрободан. – Я бы ничего никому не сделал. Не в моих правилах.

– То есть, я столько лет не ходил в Пейтеромск, только

потому, что ты меня просил? – изумился воитель.

– Я думал, мы друзья, – осклабился травник, чтобы не выдать обиду. – Думал, одной просьбы достаточно.

– Видишь, как некрасиво получается, – Серетун просиял, добившись еще большего расположения от Натахтала.

– Делайте, что хотите, – обреченно молвил Дрободан и протянул воителю клевер. – Возьми-ка на счастье, милоч.

Не дожидаясь завершения неудобного разговора, сгорбленный травник засеменял в сторону поля битвы, скоропостижно покинутого самим предводителем повстанцев. Серетун выдержал паузу, чтобы следующие слова не донеслись до обвислых ушей Дрободана:

– Я бы не стал брать подозрительные предметы на твоём месте, Сеня.

– Мы и так его обидели, – ответил добросердечный Натахтал и приложил клевер к носу, вдыхая аромат, будто было, что вдыхать. – Он же хотел, как лучше.

– Ох, смотри, – покачал головой Серетун. – Пошли скорее, а то я истеку кровью!

– Батюшки! – только и сказал воитель, беря великого чародея под руку. Клевер, тем временем, оказался в руках волшебника, пока Натахтал обдумывал способ передвижения с раненым спутником. Легкое дуновение – и листок распался на субатомные частицы, высвобождая нехорошие чары.

Время на борту тянулось медленно. Набившие друг другу оскомину лица виделись каждый день, захлебывались в предсказуемости окружающих, принимали усталые выражения и весьма неохотно общались, за редким исключением. В экипажах с контрактами от полугода вообще довольно трудно бывает удержать собственную крышу на месте. Чем дольше человек на борту, тем вернее он сводит взаимодействие с коллегами до исключительно рабочих вопросов, а моряки ждут, когда приедет свежий сменщик и хоть немного разбавит бытие.

Нам облегчал жизнь кот. Опытных морских волков сейчас накрыло волной противоречия, а неопытные – вышли в интернет с вопросом о домашних питомцах на борту.

В наши времена действительно запрещено держать животных в море, не столько ради спокойствия Гринписа, сколько гигиены ради. Да и штрафы в пару тысяч условных единиц говорят сами за себя.

Еще будучи кадетом – а это хуже юнги – я как-то засек енота, крадущегося к нам по трапу. Когда я посмотрел на него, енот замер в неуверенности, но потом аккуратно коснулся лапкой следующей ступеньки, проверяя мою реакцию. Развеселившись, я без задней мысли позвал амбала-матро-

са взглянуть на гостя, но филиппинец тут же устрашающе топнул ногой и прогнал животное. Оказывается, в Штатах за беглого полоскуна мало бы нам не показалось.

Но кот – совсем другое дело, если оформлен, как часть команды. Один даже с Черчиллем фотографировался, прежде чем премьер сошел с линкора «Принц Уэльский». Наш Обормот не хуже.

Во-первых, кот снимает стресс, что уже обеспечивает ему девяносто процентов успеха. Во-вторых, моряки – суеверный народ, а усатая морда хорошо чует беду, как и понижение давления, предвещающее бурю.

Говорят, пятнистый увалень прибил к экипажу в Италии года два назад. Почувяв запах колбасы, купленной в одном из магазинчиков Ливорно, тогдашний Stronzo, как его ласково называли местные бакалейщики, однозначно выбрал, у кого стать хозяином. Счастливые продавцы ничего не сказали моряку, провожая взглядом неугомонного обжору, навсегда покидающего город в погоне за едой.

Фривольная Европа не утруждала себя наймом хмурых погранцов для защиты проходных, поэтому второй механик беззаботно вошел на территорию порта, а с ним, оставшись незамеченным, ловко просочился и кот. Остальной экипаж оказался внимательней. Механик получил устный выговор, но быстро искупил вину, рассмешив команду итальянским прозвищем пятнистого шалопая. Когда экранчик телефона показал русский перевод, из соображений этики было реше-

но использовать более пристойный вариант – Обормот.

Чтобы оправдать появление несанкционированного трюмита на борту, пришлось взять его юнгой, показав с невинными глазками портовым властям новую судовую роль на отход. Как ни странно, возмущений в ответ не последовало, и Обормот остался дарить экипажу уют.

Прошло почти два года – и кот достался мне. Никто не хотел тратить время, ухаживая за питомцем. Даже Махеш, наш бравый индусский кадет, не изъявил желания возиться с котом. Его задевало, что какой-то пятнистый Матроскин старше по званию.

Вот и проводил Обормот долгие часы, возлежа на моем столе, наблюдая за процессом написания странной книги.

А сегодня кот пропал.

Сначала я не особо удивился отсутствию ленивого пушистого тела. Обормот ходил, где ему заблагорассудится, иногда осчастливливая подданных своим присутствием. Но в этот раз кот не появлялся особенно долго, и я забеспокоился. Обошел всю надстройку вдоль и поперек, осмотрел видимые и невидимые уголки палубы, особенно под комингсами, где легко спрятаться. Не помогло.

– Как ты за юнгой смотришь? – недовольно пробурчал капитан, когда я сообщил о пропаже.

– Я же не могу следить за ним круглосуточно.

– Да не надо круглосуточно, – взорвался Василий. – Сколько раз просили: запирай каюту, когда уходишь.

– Чтобы он подрал мне мебель? – наверное, я впервые за все время в море открыто спорил с начальством. По коже пробежал холодок.

– Да ничего бы он не сделал, – из духа противоречия сказал капитан.

– Ну конечно, это ж не ваша каюта.

Василий посмотрел на меня исподлобья и закрыл глаза, демонстративно переводя дыхание. Я обязательно должен был прочувствовать, какую обиду ему нанес.

– Ты ведь знаешь, что надо делать, когда член экипажа пропал? – спросил капитан, успокоившись.

– Вы серьезно?

– Я что, часто шучу? – огрызнулся Василий.

Пожав плечами, я подошел к одной из многочисленных панелей мостика, снял пластиковую крышку и крутанул тумблер. По всему судну протяжным воем раздался сигнал тревоги – семь коротких гудков, один длинный. Охватывая каждый миллиметр обшивки, низкий гул вещал: случилась беда. Дав сигналу закончиться, я повернул переключатель обратно и активировал систему голосового оповещения:

– Внимание всему экипажу, это не учебная тревога. Не учебная тревога. Один из членов экипажа пропал. Общий сбор возле шлюпки по левому борту для дальнейших указаний.

Капитан удовлетворенно смотрел на меня, предвкушая реакцию оторванных от работы людей. Юнга юнгой, но в его

глазах это был всего лишь бесполезный котяра, путающийся под ногами и отвлекающий невнимательных лоцманов. По мнению Василия, такое же пренебрежение должны были испытывать все вокруг.

Через две минуты, ровно, как и предписано, весь личный состав отметился на точке сбора. Начались выяснения, пересчет людей, суматоха. Услышав о том, что пропал Обормот, ни один из моряков не возмутился. Глядя на меня обеспокоенными глазами, боцман объяснил, что бегство кота – не к добру.

Разделившись на группы, мы принялись прочесывать помещения, отсеки, трюма в поисках пятнистой пропажи. Один за другим шли доклады, что кота нет ни в одной из условных зон, пока из машинного отделения не сообщили, что нашли Обормота.

Ушастый троглодит сорвался с места и убежал прямо к огромному двигателю, воспользовавшись незапертой впопыхах дверью. Забился под пайолами и, выгнув спину, грозно мяукал на установку, будто увидел там призрака своего итальянского прапрадеда. Бедолагу еле вытянули – так он упирался.

– Я давно говорил, что с насосом не все в порядке, – заключил старший механик. – Обормот того же мнения.

Седеющий зрелый моряк восседал в кресле рядом с Василием, поглаживая испанскую бородку. Капитан, заискивающе улыбаясь, слушал его и время от времени перебивал,

чтобы поддакнуть.

– Ну и что, что замена стоит десять штук, – продолжал вещать Георгий Андреевич, – скоро встанем, и трат будет гораздо...

– Больше! – подобострастно вякнул Василий.

– Вы им напишите еще раз. Надоело, что меня игнорируют.

– Конечно-конечно, – любезничал капитан в ответ. – Вот уже открываю и пишу.

– И добавьте, что вязкость топлива чрезмерна. Еще больше разогревать его опасно, а движок уже не справляется с нагнетанием.

– Только я еще напишу внизу ваше имя, – с придыханием вставил капитан.

– Пожалуйста, – ответил стармех. – А я пойду дальше. Много работы.

Когда за главным инженером закрылась дверь, Василий начал причитать:

– Как же с ним тяжело. До того, как Георгий Андреич приехал, с машиной все было в порядке. А он начал что-то крутить, сбил все настройки. Теперь для пуска выбрасываются три порции воздуха, а должна одна.

– Да уж, – скромно ответил я. Странно наблюдать, как человек ищет поддержки у помощника, которого унижал буквально час назад.

– И главное, сидит такой важный, будто все знает. А сам

ничего не знает, только делает вид, – лицемерное преклонение у капитана быстро сошло на нет, уступая место почти оформившейся ненависти, скрывать которую, видимо, почти не хватало сил.

– Ужас, – я пытался придать интонациям хоть каплю сочувствия.

– С ним неприятно говорить не только о работе, – перекинулся Василий на личности. – Все время спорит, считая свое мнение единственно правильным, сыплет какими-то странными фактами. Недавно убеждал меня, что монголо-татарского ига не было, иначе мы бы все выглядели, как азиаты.

Георгий Андреевич снова вбежал на мостик, и капитан тут же притих, надев на лицо маску приторной вежливости.

– Забыл бумаги, – сказал стармех и прихватил небольшую пачку распечаток со своими пометками.

– Видите, – обратился ко мне капитан, когда Георгий вышел, – очень рассеянный человек.

В скором времени дубрава поредела, приоткрыв обзор на раскинувшийся рядом город. Слава Пейтеромска гремела на все владения Злободуна. Усталые воины считали за счастье ночевать в здешних трактирах, оставляя щедрые чаевые долговым курносым хозяевам, уродившимся такими после набега орков на человечьи земли. Дома в округе имели цилиндрическую форму и оканчивались крышами из красной черепицы с подвязанными к ним бивнями мамонтов. По бокам от главных ворот высились наблюдательные башни, где сомнительной квалификации стражники несли ночной дозор, запуская остроклювые мордочки в свежий выпуск «Пейтеромского вестника». Перед главными воротами величественно изгибался мост через причудливо изогнутую в знак бесконечности реку.

А еще в стенах этого славного города жили ушлые воришки. Ничто так не притягивает оголтелых пройдох, как возможность стащить кошель у спящего после очередной битвы солдата. И, хотя улицы Пейтеромска полнились городской стражей, они лишь делали вид, что охраняют порядок, держа руку на мече под накидкой. На самом деле, стражники поглаживали свои еженедельные пять золотых, аккуратно сложенные в туалетденоровые мешочки.

Город, как и весь мир, был порождением фантазии эскапистов.

Закрываясь от реальности, по тем или иным причинам, люди скрываются среди книг, фильмов и даже компьютерных игр. Чем дальше от насущного, тем более настоящими становятся грезы, увлекая за собой, маня в иллюзорные края.

Пропуская через свой ум множество произведений, мы строим коллективное бессознательное, на котором основывается огромное пространство с Пейтеромском и прочими городами.

Эскапистам больше всего пришлось по душе Средневековые фэнтезийного покроя, заимствованное из бесчисленных историй о хоббитах и драконах. Меньше технологий, но больше драйва.

Здесь жили восхитительные в своей оригинальности существа, гибриды, которых в родном мире не встретишь. А многие люди пришли сюда извне и навели свои порядки. Поэтому орки и пошли войной на Пейтеромск. Бесчисленные произведения рисовали эту расу воинственной, и людям пришлось за это отвечать. Клыкастые воины жаждали крови.

Они шли убивать.

Но закончилась атака более оптимистично: на свет появились первые метисы с людьми.

Войти в Пейтеромск торжественно у героев не получилось. Вид хорошо помятого мага, подволакивающего ногу,

сильно портил впечатление от статного Натахтала. И, вместо благоговения, горожане испытали к путникам сочувствие. Тотчас же несколько дамочек в кружевных нарядах подхватили Серетуна и, взволнованно перешептываясь, утащили в лазарет. Зная о кровавой бойне по ту сторону леса, девицы спешили поскорее обработать рану волшебника, чтобы после не задерживать прием покалеченных воинов с той стороны леса. А то маги всегда капризничают и требуют особого внимания.

Оторопев от внезапности, Натахтал увязался за дамочками. Как бесстрашный воин не старался, нагнать целый отряд медсестер с грузом в виде Серетуна, он не мог. Всего несколько поворотов по мощенным булыжником мостовым вконец измотали бойца. Сбросив с массивной груди тяжелую кирасу, Натахтал вздохнул свободнее и смог добежать до входа в лазарет одновременно с девицами. Правда, они захлопнули дверь прямо перед его носом. Через секунду высунулась голова

одной из дамочек и поучительно предупредила:

– У нас неприятные часы!

После этого дверь закрылась бесповоротно.

Натахтал, хоть и был профессиональным воителем, ни разу не посещал Пейтеромск. Обычно его схватки с подлыми врагами заканчивались где-то на окраинах маленьких неприметных городишек. Неутомимый боец, выполнявший прось-

бу Дрободана, искренне верил, что в местах, где себя нечем занять, и народ как-то проще, и попойки намного веселее.

Слава мощного воителя, как изумительного собутыльника, ширилась и по водным мельницам Рассильяса, и по скромным деревенькам близ Упоительных лугов, источающих сладкие ароматы маковых соцветий, и даже по отдаленным южным поселениям хитиновых берсерков.

Натахталовы друзья с юга в бою были столь же упорны, как и в пьянке. Приводя себя в ярость, хитиновые воины устраивали соревнования по скоростному заглатыванию эля, поставляемого из лучших пивоварен дружелюбных коротышек-гоблинов, которые считали своим долгом перенаправлять гнев берсерков в алкогольное русло. На самом деле, так они саботировали деятельность повстанцев, но это уже совсем другая история.

Однажды Натахтал отважился вступить в неравное противоборство с прирожденными дебоширами, и даже выиграл серебряный кубок, уступив лишь берсерочьему военачальнику, который, как позже выяснилось, сливал излишки эля прямо в панцирь. Когда неприятная подробность вскрылась, никто не стал его штрафовать: руководство, все-таки. Само собой, Натахтал проснулся не на следующее утро, а много позже, вычеркнув день-другой из жизни. Никто не знает, где он был и чем занимался, но владения коварного Злободуна за время его отсутствия знатно разрослись.

Вот тогда-то Натахтал и отправился в известное на весь

мир казино «Баян», где решил сразиться за карточным столом с мерзким Свинорылом за его отряд поросят, качественно сбивающих противников с ног для последующей шинковки. Обыграв незадачливого толстяка пять раз, Натахтал потребовал не только армию первосортных хрюшек, но еще и приличный откуп, чем, в итоге, и спровоцировал вспылчивого вожака пятаксов накинуться в порыве злобы на повстанческое горло. Хорошо, что рядом сидел добрый Тизуил, не лишенный чувства справедливости, и огрел Свинорыла колчаном с эльфийскими стрелами.

В тот день Натахтал обрел и друга, и прекрасную армию дальнобойных лучников, способных мало-мальски противостоять искусным служителям нечестивого Злободуна.

Лишь бы в издательстве не подумали, что это автобиографическое. Тем более, что на судне сухой закон, и может сложиться впечатление, будто я все время мечтаю о том, как перехватить грамм пятьдесят тут, грамм пятьдесят там. Наверное, стоит подсократить никому не интересные подробности из жизни дебоширов? Да и не может главный герой быть настолько зависимым от спиртного. Будут гарантированные «18+», и дети книжку прочитать не смогут. Хотя, ладно, из песни слов не выкинешь. Пан или пропал, гражданин будущий писатель.

Пан – или пропал.

Стоя перед запертой дверью лазарета, Натахтал приложил ручищу к лысому затылку. Волшебник попал в надежные руки, но все равно за друга боязно. Вдруг неопытные медсестры покалечат мага, оторвав большую ногу? В родном мире это называли аннотацией, кажется. Конечно, придется закопать, устроив пышные проводы. Воитель привлек бы доблестных эльфийских лучников для трехкратного торжественного залпа, траурный духовой оркестр изобразил бы похоронный марш, сбиваясь с ритма... Натахтал мотнул головой, отгоняя от себя глупые мысли. Конечно, все будет хорошо.

Пока на ум не пришло нечто еще более жуткое, нужно развеемся и осмотреть столицу рыцарских утех.

Лазарет находился в окружении причудливых цветов, растущих внутрь самих себя. Выглядело это, будто мелкий ужик-стебель заглотнул бутон, а тот, в свою очередь, пропорол ненасытного изнутри острыми лепестками. Натахтал смотрел на них буквально секунду, но этого хватило, чтобы почувствовать себя неуютно, и грозный воитель пошел по окрестностям.

Больничку окружили здания сразу нескольких гильдий: волшебников, торговцев и бардов. Вечно соперничающие между собой, их адепты нуждались в лазарете под боком. То меркантильные продавцы загибали безумные цены на арфы, то музыканты доставали чародеев просьбами подтянуть им технику игры, то побратимы Серетуна превращали медяки

в улиток, внушающих торговцам ужас по непонятным причинам. Взаимные козни, как правило, приводили к потасовкам, чем и пользовались медсестры, ловко пополняя бюджет лазарета. Находящиеся в сговоре с девицами стражники частенько патрулировали улицу с гильдиями, выискивая очередную жертву для вымогательства. Во всех трех заведениях даже существовала отдельная статья расходов «На дозорных», чтобы ряды адептов не таяли от неукротимого желания развести мордобой. Только деньги почти никогда не доходили по назначению. Бюджет неистово пилили, из-за чего членам гильдии приходилось давать взятки из личных сбережений.

Выйдя на главную площадь, Натахтал залюбовался фонтаном, родившим в его душе горько-сладкие воспоминания о юности, проведенной совсем в другом мире. Центром композиции служила барная стойка, на которую локтями опирался, очевидно, бармен. Прямо перед спиртным завхозом стояли два товарища: из бутылки в руках первого вырывалась струя и, огибая дугу, устремлялась в рот второго. Вот он – истинный символ культуры, достойной прекрасного воителя.

Как теперь поживают друзья молодости? Натахтал не видел их уже лет десять...

От площади под равными углами шли семь улиц, разделяющих город на условные сектора. Все-таки, вторгнувшись сюда орки перенесли на городскую архитектуру свою любовь к ра-

диальной симметрии. Особенно интересно было наблюдать за городом в годы перестройки, когда крепкие дома сносили в угоду новому генплану, а вместо них вырастали хлипкие конструкции из самана, в лучшем случае. Чаше отделывались деревом.

Пять секторов были застроены жилыми домами с вкраплениями продуктовых лавок и мелких пивных, шестой, собственно, был отдан гильдиям, а вот последний обнесли внушительной стеной из прессованной древесины с осколками битых бутылок по периметру. Огромное здание внутри, единственное, выполненное из камня, служило тюрьмой. Большинство камер пустовало: реальные сроки грозили только тем, у кого не хватало денег сунуть взятку местным дозорным.

Напротив прекрасного фонтана высилось трехэтажное здание с заманчивой вывеской «Хвост и грива». Опытные туристы предпочитали начинать пьянку с мелких пабов, перемещаясь между ними ради следующей порции спиртного, но обязательно заканчивать пиршество в главном заведении, ради которого город и возводили. Натахтал слышал название трактира много раз, а теперь – стоял перед знаменитым местом и собирался войти.

Горе тому путешественнику, который, побывав в Пейтеромске, не соизволил отведать хотя бы один из местных сортов пива. Раньше в этом городе прятали сокровища речные пираты, что и принесло ему звучное название, но сейчас потомки тех славных малых превратились в сухопутных крыс и научились обчищать нерадивых воителей, а ром заместили пивом. В целях экономии.

Поговаривают, что даже сам темный владыка Злободун, изображая из себя простолюдина, может запросто войти в трактир и пропустить кружку хмельного напитка. Потому «Хвост и грива» считается лучшим заведением во всей округе: они всегда готовы к визиту замаскированного предводителя темных, ибо негоже позориться перед самим владыкой, который может и в пепел обратить, если что не так.

Натахтал, распахнув дверь, поразился отсутствию скрипа. Петли были смазаны идеально, а ручку будто совсем недавно заменили на новую, что даже в этих краях считалось почти фэнтези.

– Кружку местного имбирного! – провозгласил басом неустрашимый воитель, усаживаясь на стул прямо перед трактирщиком.

– Имбирь нынче подскочил в цене, – манерно ответил

высокий полуорк. – Отведайте лучше темного пшеничного. Третья кружка в подарок.

– И все же, я попросил имбирного, – ласково произнес боец, намекнув взглядом, что следующий ответ будет уже не таким вежливым.

– Как угодно, – сказал трактирщик и принялся отмерять порцию.

Воитель смущенно огляделся по сторонам, и стороны огляделись по нему. Плохое начало для новенького в таком значном месте. Несвойственно подобное нашему воителю. Пускай Натахтал и был вождем сопротивления, спиной он ощущал настороженные, почти враждебные взгляды окружающих. Никто не любит, когда в чужом монастыре качают права, особенно елейным голосочком.

«Хвост и грива» оказался людным местом, если так можно назвать средоточие разношерстных метисов. Тут прохладались полутораглазые циклопы и лабали странную музыку земноводные арфисты, скользя перепонками по струнам; тут над очередной каверзой местного скомороха ржали конглавые спиногрызы и клокотали животами усатые моржи на ножках.

Новичку в этом мире было бы тяжело правильно реагировать на неожиданные помеси видов. Велика вероятность, что бедолагу просто вышвырнут за приступы хохота от одного только вида кривоzubых павианов. Однако, закаленный Натахтал давно приспособился к пестрым соцветиям этого ми-

ра и, скорее, воспринимал как экзотику гораздо более редких людей, нежели очаровательно вычурных полукровок.

Неподалеку от грозного воителя сидела прекрасная девушка в атласном платье, напоминавшем звездное небо. Стыдливый Натахтал, скорее всего, не остановил бы на ней свой взгляд, но, заметив на рукаве платья те же знаки, что украшали хижину чародея, невольно засмотрелся.

Девушка, увидев выразительные глаза повстанца, начала внимательно его разглядывать, вгоняя тем самым робкого бойца в краску. Натахтал не решался отвести глаза, чем заслужил одобрение красавицы. Через несколько мгновений она уже подсаживалась к нашему мускулисту герою, даруя самую очаровательную улыбку, на которую была способна.

– Похоже, ты здесь впервые, – обратилась девушка к бойцу томным голосом.

– Н-нет, – Натахтал мысленно проклял себя за то, что заикнулся, – просто уже давно не бывал в женском обществе. Грозный боец не знал, почему солгал, но в глубине души чувствовал, что поступает правильно.

– Тогда ты должен знать, что мои девочки обслуживают по высшему разряду, – красавица придвинулась чуть ближе, – особенно, таких крепких мужчин, как ты.

– Что? – воскликнул храбрый боец. – Меня это совершенно не интересует! Мой друг угодил в капкан, и я жду, пока его перебинтуют.

– Так я про медсестер и говорила, – девушка зашла за-

разительным смехом. – А ты что подумал, герой?

– Как неловко, – с глупой улыбкой сказал Натахтал и покраснел еще гуще.

Сам по себе довольно тяжелый день рисковал обернуться настоящей катастрофой. Покинуть поле боя ради вздорного чародея, вызволять того из капкана, гнаться за медсестрами – столько подвигов перечеркнуло поражение на любовном фронте еще до начала битвы. Так можно никогда и не жениться.

– Пустое, – махнула рукой красавица. – Лучше скажи, где я могла тебя видеть. До чего знакомое лицо.

– Я, вообще-то, предводитель повстанцев, – смущенно ответил Натахтал.

– И как только владыка вас терпит. – удивилась девушка. – Гуляете по его землям, как у себя дома.

– Мы просто условились воевать только в одном месте, – пояснил воитель. – Хотя, странно все это. Не помню, чтобы Злободун появлялся на поле брани собственной персоной.

– Не видел? – усмехнулась красавица. – Тогда оглянись, тут висят его портреты.

Натахтал только сейчас заметил за спиной трактирщика замызганное полотно, изображающее темного властителя во весь рост. Его массивное тело было покрыто латами из черного золота, а лицо скрывалось за угрожающего вида забралом, из темечка которого торчали остроконечные кислотно-зеленые перья.

– Да их везде, как грязи, – отмахнулся Натахтал, заерзав коленями под стойкой. – И вообще, многие разрисованы моими ребятами. Давно уже не впечатляет все это.

– Ах ты, зараза! – резко вскрикнула новая знакомая бойца. – Средь бела дня!

Воитель, обернувшись, успел заметить выбегающего из трактира шаромыжника, прихватившего кошель девушки.

– Я его схвачу, – шепнул красавице Натахтал, выхватил из ножен клинок – и помчался за паршивцем.

Нагнать хиленького прохвоста не составило труда. Героическим прыжком Натахтал преодолел оставшиеся пару метров до грабителя и толкнул его в спину. Парнишка тут же упал навзничь и уронил мешочек с деньгами. Монеты разлетелись по булыжной мостовой, чтобы достаться случайным ротозеям, не способным заработать такие суммы. Красавица, наблюдавшая за неуклюжим действием, проявила чудеса терпения и крикнула:

– Не надо их подбирать, пускай разберут люди!

Смущенный, но не побежденный, мускулистый воин отряхнулся, спрятал клинок и, не глядя на разгорающуюся за монеты потасовку, проследовал обратно к трактиру.

– Ладно, прощаю на этот раз, – иронично бросил боец во-ришке.

– Идем, пока пиво не нагрелось, – красавица схватила воителя за руку, и обоих бросило в жар.

В трактире после маленького происшествия ничего не из-

менилось. Завсегдатаи в таком же гулком хоре из голосов обсуждали свои привычные заботы. Никто даже ухом (усом, хвостом, псевдоподией – нужное подчеркнуть) не повел, когда Натахтал погнался за прохиндеем. Такое здесь случалось чуть ли не каждый час.

– Нагрелось-таки, – констатировал Натахтал, коснувшись кружки пива.

До чего неудачно складывается. Наверное, это прекрасное создание уже всерьез принимает бесстрашного воителя за неудачника, способного только на идиотские поступки.

– Спасибо, что вступился за меня, – сказала красавица, занимая место рядом с воителем. Одной этой фразы хватило, чтобы вывести Натахтала из начавшейся апатии. Воспрянув духом, бесстрашный повстанец уже собирался очаровывать даму сердца дальше, но...

– Ну и что ты уже тут натворил без меня? – деловито спросил Серетун, появившись за мощной спиной бойца.

– А вот и мой друг вернулся, – сообщил Натахтал с напускным весельем. Он обрадовался бы Серетуну в любой другой момент, но только не сейчас. – Как нога, о, волшебник?

– Как новенькая! – саркастично воскликнул чародей, изображая, что вот-вот пустится в пляс.

– Правда? – воитель расплылся в улыбке.

– Нет, – ехидно ответил чародей. – Перебинтовали, всучили шоколадку – и на воздух.

– Может, представишь меня своему другу? – наигранно возмутилась красавица.

– Конечно, – сказал бесстрашный боец. – Это моя новая знакомая, зовут ее... ты не представилась.

Натахтал растерянно взглянул на девушку.

– Астролябия, – гордо произнесла она.

– Какое красивое имя, – восхитился Серетун. – А главное, едкое.

Непонятно, опечатка это, или своенравный маг действительно захотел сказать именно так. Очень остроумно, однако, не по адресу. Как будто я это имя выдумал.

Рукопись все больше выходит из-под контроля. Появляются персонажи, которых я не знаю, сюжет отклоняется от задуманного. Придется вычитывать с самого начала и править каждую нестыковку с тем водевилем, что происходит сейчас. Знатно добавил мне работы Серетун.

Волшебник получается очень живым. Порой, живее меня самого. Но так не должно продолжаться вечно, иначе работа над книгой зайдет в тупик без логического окончания. Мага нужно убрать более тонким способом. Примитивных средств недостаточно. Он легко их просекает, не оставляя шансов на успех.

Пусть еще какое-то время поживет, а дальше я ему устрою сюжетный поворот, который шокирует даже самого искушенного читателя.

*Мне жаль, Серетун. Искренне жаль.
Но так будет правильно.*

Иногда на мир стоит смотреть не слишком пристально – перестать щурить глаза и сделаться чуточку близоруким.

Вот знакомитесь вы с мужчиной лет тридцати-тридцати пяти. Зовут его, к примеру, Полуэкт. Первое, что делает любой взрослый человек с головой на плечах, – прощупает его статус. Об этом еще писал Экзюпери: взрослых интересуют цифры. Вы узнаете о его работе, прикинете оклад и возможный метраж, а за ним – наличие машины, литраж, гараж, войдете в раж – и чуть ли не запишете номер страховки.

А сути человека так и не уловите.

У этого самого Полуэкта, возможно, прямо за его метражом (вы даже не поинтересуетесь, квартира это или частный дом) растет прекрасный сад, повторяющий Семирамидин в миниатюре. И создал он его буквально своими руками, возя на мотоцикле удобрения целыми мешками. Не на машине, как вы сначала подумали, а на байке.

Или другой пример, более близкий мне. Вы капитан крупного контейнеровоза, стоите вместе с лоцманом на крыле мостика и сообщаете по радиации неожиданную информацию: «Первым подаем шпринг». Для справки: в девяноста процентах случаев первым подается шпринг.

А в это самое время разгорается один из прекраснейших

закатов за всю историю человечества. Но вы даже секунды себе не даете просто взглянуть на него и насладиться. Все мысли только о работе. Даже если до причала чесать еще десять минут, а по носу и корме не стоят никакие суда, внимание только на приборы и вызывающего смутные сомнения лоцмана.

Жизнь порой требует скрупулезного внимания к деталям. Но если только набрасывать мазки, не оценивая полотно на расстоянии, можно изобразить совсем не ту приятную картину, что возникла в воображении. Окажется, что и цвета подобраны неверно, и вместо нежного заката над рекой вы написали жутковатый автопортрет с той самой злорадной улыбкой, которая все чаще рвется изнутри.

Чтобы такого не случилось, иногда нужно расфокусировать взгляд и увидеть суть.

Перед вами не причал-двадцать метров между пушками-на развороте течение справа-флаг помечает положение надстройки – а просто закат, утопающий в только что зажженном свете.

Пока вы замечаете красоту, она остается в вас самих.

Если только движок не отказывает в самый важный момент.

– Подаем концы внимательно и быстро, – предупредил капитан по рации. – Мы сейчас идем без машины.

Прибытие в китайский порт Яншань ознаменовалось прекрасным событием, о котором давно предупреждал стармех.

Работающий на реверсах двигатель потратил все запасы воздуха и больше не мог завестись. К судну экстренно подкатил третий буксир для страховки, и вся ответственность за спокойную швартовку легла на плечи вахтенных помощников.

Торопясь натянуть шпринг, подбивающий корпус к причалу, я резко рванул джойстиком. Лебедка сразу раскрутилась до максимальной скорости, замяв конец между барабаном и основанием. Времени разбираться не было – мы продолжали крепить оставшиеся тросы. Китайские рабочие действовали на удивление слаженно: пока один тащил петлю к пушке, остальные пятеро с интересом наблюдали за ним, не допуская даже в мыслях возможности присоединиться.

– Корма, ну что там? – окликнул Василий по радиии.

– Почти закончили. Один конец слегка закусило, – уклончиво ответил я.

– Не спешите, все в порядке, – успокаивающе сказал капитан.

Мне его слова не помогли. Внешне лебедка стала выглядеть хуже. В механизме я не разбирался – это прерогатива механиков – но штурманский глаз заметил неладное. С грехом пополам выудив конец из ловушки, мы закончили швартовку. Бывалый филиппинский боцман, прибежав разбираться прямо с бака, показал, что трос сбил трубку, подающую смазку внутрь. Без регулярных вливаний масла в устройстве могли перетереться важные детали, так что ущерб нанесен немалый.

На входе в надстройку я столкнулся с Максимом. Старшему помощнику заботливые матросы уже доложили о повреждениях, и парень сразу спросил меня:

– Расскажи, как это случилось?

Я выверял каждое слово. Если уж начальство на борту тебя не взлюбило, приходится подходить ко всему с опаской, не зная, где ждать подвоха. Капитанская немилость сулила множество проблем и в обычных ситуациях, а уж когда виноват сам, жди беды.

Выслушав мою историю, Максим ответил как можно более дружеским тоном:

– Пока не будем сообщать Василию и посмотрим, что можно сделать.

Экипаж давно привык к конфронтации между помощниками и командиром. С самого приезда, помимо крайней обеспокоенности, вызывающей насмешки за спиной, капитан продемонстрировал далекие от доверительных отношения с офицерским составом. Любое действие вызывало у него массу подозрений, выливающихся в постоянные замечания и неспособность четко обрисовать, чего же он хочет от каждого.

Нарушая известную всем морякам истину, я пошел у страха на поводу и не стал ни о чем докладывать. Максим знал, что делает: одно из наиболее ценных умений для старпома – служить своего рода барьером между капитаном и младшими помощниками. Подобно стабилизатору, он принимает на

себя удар плетью вольтажа, сглаживает его – и предотвращает перегорание подчиненных. Увы, часто случается, что источник разряда – сам старпом. И сейчас я прекрасно осознавал степень своего везения.

– Что по грузовым? – пришло время вливаться в работу, хотя бы для разрядки.

– Скоро ставим на платформы что-то весьма негабаритное, – обреченно ответил Максим. Да уж, отвлекся.

– Прекрасные новости, – подытожил я. В ответ старпом понимающе кивнул.

Любой ответственный процесс в Китае – приговор всему экипажу. Для нас это значит, что доля вероятности появления какой-нибудь лажи составляет число, опасно близящееся к ста процентам. Неустанно работающему составу придется держать ухо еще вострее, чем обычно, наблюдая за потугами великой азиатской цивилизации выглядеть эффективно.

Негабаритный груз представлял из себя две крытые брезентом стальные конструкции. Наши со старпомом попытки сфотографировать их вылились в смазанные фотографии, которые впору было передать редакции Рен-ТВ, с жадностью накинувшейся бы на громкий сюжет о призраке Шаолиньского монаха, разгуливающим по морскому берегу в поисках затонувшего корабля, так и не доставившего возлюбленную по назначению.

В сопровождении бригады прорабов мы чувствовали се-

бя неудобно, будто естественное желание удостовериться, что дорогой товар не поврежден, выглядело чем-то смешным. Улыбающиеся обладатели сползающих на лоб касок рассматривали чертежи, громко обсуждая почти гениальный план крепления загадочных конструкций.

– У нас все просчитано, – заверил самый широкий из дипломированной делегации. – Вы будете довольны.

– Да? – с сомнением уточнил Максим, на что китаец улыбнулся еще шире.

Опустив груз в недра гудящего эхом трюма, работники проникли внутрь. На удобной подстилке из контейнеров высилась куча крепежных оранжевых лент, дощечек всевозможных размеров и закручивающихся скоб. Началась высокоорганизованная инженерная операция под чутким приглядом широких прорабов и невыспавшихся нас с Максимом.

– Самое главное – проверить скобы, – поучал меня старпом. – В плане указана общая масса 55 тонн. Делим на 12 крепежей, и получаем, что каждый должен выдерживать около пяти тысяч кило. А теперь смотрим на гравировку.

Максим присел на колени. Согнулся в три с половиной погребели. Просунул руку с фотоаппаратом ближе к скобе. Щелкнул. Поднялся. Поправил очки на раскрасневшемся от досады лице.

– Написано 1,2.

– Да ладно, – изумился я. – И что делать?

– Говорить, – устало ответил старпом.

Определив самого главного из рабочих по характерному начальственному ничегонеделанию, Максим обратился к нему самым вкрадчивым голосом, на который был способен:

– Мистер, у нас проблема.

Китаец осмотрел старпома с ног до головы, пощелкал мыслительными суставами и, придя к выводу, что можно, ответил:

– А?

– Вы неправильные скобы поставили, – продолжил Максим, пустившись в подробные объяснения математических изысканий, перемежающиеся с демонстрацией фотографии, доподлинно указывающей на серьезные проблемы с делением у великой азиатской цивилизации. Повторив несколько раз одно и то же, Максим выдохнул в ожидании ответа.

И был тот ответ предельно ясным:

– Нет!

Тяжело смотреть на человека, все усилия которого разбираются о бронированный чан с испорченным пловом вместо мозгов. Глаза Максима приняли обреченное выражение, а из ушей уже был готов повалить дым, но он себя сдержал:

– Как нет? Вот калькулятор, вот я делю 55 на 12 и получаю 4,58. Скобы нужны по пятерочке, а не то, что вы нам подсунули. Андерстенд, май френд?

Узкие щелочки для глаз еще больше сузились, выдавая крайнюю сосредоточенность слушателя, в недрах трахеи

связки колебаниями родили звуки голоса, оформившиеся в новое:

– Нет!

Следующие три попытки объяснить китайцу суть проблемы выдолбили небольшое отверстие в плотине непонимания, и на иссушенную летним восточным солнцем землю пролилась первая струя здравого смысла. Китайцы засуетились, полезли в местный аналог Google и принялись искать характеристики скобы по серийному номеру. Только увидев заветное число 1,2 на дисплее, рабочие поверили в реальность своего прокола и принялись снимать крепежи. Целый час ушел на доставку правильной модели заветного устройства с болтом, и наконец, груз получил, чего заслуживал: внимание.

– Да, конечно, – заверил меня вахтенный механик на вопрос, заведется ли машина для отхода из порта.

– Никуда мы не поедem, – сказал капитан. – Что там напридумывали инженеры, не знаю, но движка нет, нас потащат пять буксиров.

– Офф-хайр, – заметил второй помощник.

– Все верно, потеря фрахта, – подтвердил капитан.

Жизнь становилась все интересней и интересней.

– Что прикажете говорить родителям? – последовал строгий вопрос, как только лязгнула дверь камеры. – Есть идеи?

Взрослая на вид девушка в цветочном платье стояла посреди заплесневелого помещения, уперев руки в бока. Ее непроницаемое лицо всегда пугало близнецов: только по этому выражению они понимали, что натворили дел. В этот раз Латис была еще непроницаемее обычного, а значит, стоило ждать настоящей бури.

– Он первый начал! – заносчиво выпалил Бадис, скрывая мандраж за излишней бравадой.

– А он дразнился вчера! – парировал совершенно такой же Гадис.

– Какая разница, кто первый? – их сестра говорила нарочито громко, зная, какой эффект это оказывает на шалопаев. – Вы бы лучше думали, за какие шиши нам выбраться отсюда.

Латис хорошо удавалось маскировать свое бешенство, хотя стоило это больших усилий.

Проказники-близнецы почти с самого рождения доставляли ей сплошные неприятности: то подерутся до синяков (а родители тут же состроят недовольные физиономии и говорят: «Как ты недоглядела?»), то порежут новое платье, то

Гадис напортачит с магией и превратит очередного ухажера в ручную мартышку.

О, сколько молодых перспективных пейтеромцев пали жертвами волшебника-недоучки! Теперь к Латис боится подойти даже самый искусный чародей, принявший Гадиса в ряды гильдии, чтобы завоевать сердце юной продавщицы. До сих пор девушка иногда плачет в подушку по ночам, вспоминая, как могущественный волшебник, председатель Ложи Мудрецов и заместитель Повелителя Стихий, отказал ей в самой вежливой форме, ссылаясь на то, что даже слабая магия, будучи бесконтрольной, представляет для него угрозу. Ножки его тряслись, а губки дрожали, и сердце юной Латис кровью обливалось от желания приголубить чародея, но так бы она предала саму себя.

Сейчас же проказы пубертатных близнецов достигли пика: они угодили в тюрьму. Как их сестра оставалось внешне выдержанной, не знал никто, даже она сама.

– Далась тебе эта балалайка, – продолжала девушка отчитывать Гадиса. – Ну чем она мешала, скажи?

– Вообще-то, кифара, – вставил свои пять копеек Бадис.

– погоди, до тебя я еще доберусь, – ответила Латис. – То же мне, бойцовый петух нашелся.

– А чего он по ночам играет? Я спать хочу, а не слушать его брэнчание, – справедливо заметил Гадис.

– Попросил бы его по-человечески, – парировала сестра. – Ты же не звереныш, разговаривать поди умеешь.

– А я просил, – возмутился Гадис, – а он ни в какую.

– За то, что Бадис натворил, он еще получит, но ты должен быть умнее, – ответила Латис. – Тебя разве не учили, как предотвращать конфликт в зародыше?

– По бутербродной модели? – поморщился Гадис. – Это же бред какой-то.

– Ничего не бред, – надулась Латис. – Это азы в любой гильдии.

Теоретический курс хороших манер рассматривал несколько способов избежания конфликтной ситуации. Самым популярным считался названный, по мнению воспитанников соседствующих учреждений, каким-то гастрономически зависимым проходимцем.

Требовалось всего-то высказать свое недовольство в трех частях так, чтобы не задеть оппонента, накормив его, фигурально выражаясь, вкусной стряпней.

Первый этап – похвала. Как бы мерзко ни было это говорить, нужно преодолеть себя и выдать хиленький комплимент в адрес обидчика. Так сказать, нижний оборот хлебушка.

Следом идет начинка: предельно тактичные соображения, в чем ненавистный вам человек неправ. Здесь можно было бы оторваться, но правила хорошего тона запрещали скатываться к обвинительным речам.

И третий этап – очередная лесть. Верхний оборот хлебушка, позволявший, в теории, проглотить гвозди посередине.

Латис свято верила в эту модель, но, почему-то, при всей своей непроницаемости и вкрадчивости, не могла воспитать братьев.

– Ну хорошо, – сдался Гадис и обратился к близнецу: – Ты очень красиво играешь, но вчера ты меня так сильно подставил, что я был вынужден применить санкции к твоему прекрасному инструменту.

– Гони кифару, – накинулся Бадис на брата.

– Видишь, не работает, – выпалил Гадис, уворачиваясь.

Семейную перепалку прервали голоса из другого конца коридора. Слов было не разобрать, но явно стоило принимать новых соседей. Не приведи господь, какие-нибудь настоящие уголовники подсядут.

Шаги раздавались все громче, и вскоре подростки смогли различить троих охранников, ведущих качка, хромоножку и девушку, даже издали впечатляющую своей красотой.

– Так и знал, что без меня ты напортачишь, – возмущался коренастый дядька в потертой парче. – Нельзя было бросать тебя на милость этого остолопа...

Хамишь, Серетун, хамишь...

– Знакомьтесь с новенькими, – неприятным тоном сказал остроклювый стражник и удалился, прихватив с собой сослуживцев.

Две троицы глядели друг на друга, будучи в полнейшем

недоумении. Латис и Астролябия скромно молчали, пока взрослые мужики оценивающе рассматривали едва оперившихся близнецов, с первых минут знакомства обозначая, кто тут авторитет. Когда приземистый дядька заметил на Гадисе такие же нелепые наручники, периодически охватываемые миниатюрными разрядами молний, его испытующий взгляд сменился заинтересованным.

– Тоже волшебник? – коротко спросил коренастый мужичок.

– Ага, – стеснительно вякнул Гадис, не решаясь посмотреть на свою семейку в поисках поддержки.

– Хорошо, – заключил шепотом Серетун. – И как это сейчас поможет?

– Не знаю, – ответил мальчонка и потряс закованными руками. – Я колдовать не могу.

– Как ты понимаешь, я тоже, – серьезно сказал великий волшебник.

– За что сидите? – заинтересованно спросил Натахтал, вызвав гневный взгляд чародея. Воитель заметил, как Серетун стреляет глазами, и виновато добавил: – Надо же налаживать контакты.

– Не жилось этим олухам спокойно! – завелась, едва успокоившись, Латис. Без надобности обращаться к близнецам она сразу перестала сдерживать свой гнев. – Вступили в гильдии и поддались общей чуме. Начали издеваться друг над другом, хотя, больше всего – надо мной. Вчера Бадис ре-

шил отработать новую технику игры на балалайке и нечаянно усыпил Гадиса, пока тот сдавал экзамен.

Мальчишки переглянулись, и Бадис покраснел. Он ведь сделал это специально. Подкрался к окну и начал тихонько играть колыбельную направленного действия. Преподавателя это не затронуло, а Гадис, сладко зевнув, разлегся у магистра на плече. Недоумевающий наставник пытался найти источник звука, но юного барда уже и след простыл.

– Что, думаете, учудил мой братец в ответ? Вечером заколдовал балалайку, отправив ее прямо на один из прилавков нашей гильдии. Утром ее уже, конечно, продали. Бадис как накинулся с кулаками на Гадиса, еще и посреди улицы! Я, на свою беду, подбежала разнять их, и в таком состоянии нас застали стражники, чтоб им пусто было. Поволокли нас в камеру, надели на Гадиса кандалы, чтобы еще чего не натворил. Вот сидим теперь, кукуем в ожидании родителей. А денег у них нет, и взятку дать не выйдет.

Выговорившись, Латис уселась на грубо выдолбленную каменную скамью под стенкой.

– Ну, братцы, вы и учудили, – с милой непосредственностью подытожил Натахтал, вызвав еще один красноречивый взгляд волшебника.

– А мой-то лучше, думаешь? – теперь завелся Серетун. – Пока за мной ухаживали в лазарете, пошел кадрить красотку...

– Эй! – возмутилась Астролябия.

– Пошел кадрить среднюю такую барышню, – в момент исправился чародей, – а потом подрался с парнишкой, который увел у нее кошелек. Сам все спустил на пиво, и деньги вот этой профукал. Я к Натахталу пришел исполненный благодарности, что не оставил он меня в лесу на съедение кроликам, а дотацил к вашим медсестрам. Тут вороватое несчастье с подбитым глазом приводит стражников, и те без разбора скручивают нас троих. Денег откупиться нет, разбойник торжествует, а мы теперь гнием в какой-то дрянной каталажке.

– Ты здесь всего пять минут, – осадила волшебника Астролябия.

– Но я – здесь! – не унимался строптивый Серетун.

Барышни в порыве взаимного сочувствия покачали головами.

– Мне понятен твой гнев, – спокойно ответила Латис, наконец совладав с собой. – Но скажи лучше, как нам отсюда выбраться.

– Это ужасная ошибка, которую почти невозможно исправить, – провозгласил чародей. – Есть у нас небольшой шанс, но я не склонен утверждать, что получится.

– Ты что-то придумал? – с надеждой спросил неустрашимый воитель.

– План! – с нажимом выдавил Серетун, принявшись расхаживать по камере. – Нам нужен хороший план!

– Отличная мысль, – саркастично подметила Астроля-

бия. – И как же мы сами не догадались.

– Я уверен, вы догадались, – чародей плавно переходил на крик. – Нам! Нужен! ПЛАН!

Он же не к персонажам обращается? Похоже на просьбу о помощи. Посмотрите-ка, своенравный маг не знает, что делать, и взывает к автору. И это вся твоя мощь, Серетун? Стоило тебя заковать кандалы, как ты сдулся и показал свое истинное лицо. Хорошо, давайте вас освободим. Все равно, без этого ты не попадешь в уже расставленные сети моего сюжета.

Будь ты хоть трижды прекрасным персонажем, я не могу позволять тебе коверкать атмосферу романа. Еще немного – и редакторы откажутся со мной работать, вынудив написать книгу заново

Если я вас вытащу, ты еще и благодарен будешь, чародейчик ты мой ненаглядный.

– Чего разорался? – удивленно спросила Астролябия. – План ему нужен. Всем он нужен. И как можно скорее.

– Зачем мы на мальчиков надеемся? – сказала Латис, смеясь Серетуна недоверчивым взглядом. – Маги в наручниках, остальные двое вообще никакие.

– Позвольте, – взял слово Натахтал. – Я в академиях не учился, в военных, но опыта у меня – во. Давайте думать.

– Кто ж еще способен возглавить операцию, – возмутился Серетун. – Уж точно не я.

– И все же, о, великий, – мягко перебил волшебника воитель, – предоставь заниматься побегом профессионалам.

– Ты что, сидел? – решил уточнить чародей.

– Нет, – тупо ответил Натахтал и тряхнул головой. – Все, не отвлекайте. Валдис... как тебя там?

Наблюдая за ссорой взрослых, мальчишки тихонько переговаривались. В основном, обсуждали Астролябию и периодически сдавленно подхихикивали. Обращение воителя всполошило обоих, и близнецы хором выдали:

– Бадис!

– Гадис!

– Нужен тот, который с бандурой, – сузил круг поиска неутомимый боец.

– С кифарой, – устало поправил его Бадис. – Это я.

– Ты, стало быть, способен быстро усыпить жертву игрой на гитаре? – спросил Натахтал.

– Да, – юный бард уже смирился с тем, что никто не проносит название инструмента правильно.

– А нескольких людей за раз – сможешь? – с надеждой уточнил воитель.

– Только по одному, – тихо ответил Бадис. – Я маловато практиковался, только второй курс.

– Пойдет, – добродушно сказал бесстрашный боец. – Когда тут подадут обед?

– Что, уже устал думать? – усмехнулся Серетун.

– Да подожди, о непревзойденный колдун, – не меняя тона сказал воитель. – План такой: брат бандуриста вернет мальчику инструмент, и мы дождемся, когда принесут поест. Как только стражник откроет камеру, ваша сестра начнет торговаться по поводу добавки – это ведь ее работа – и наш музыкальный юнец убаюкает птенчика. Мы сбегает, всех стражников по дороге мочим снотворными аккордами – и здравствуй, свобода!

Закончив, Натахтал торжествующе посмотрел на узников. Вот так работают настоящие предводители. Они стоят над толпой и ведут за собой целые народы, подобно яркому светилу, притягивающему головы подсолнухов. Им подвластны все тайны этого мира, и небожители раздвигают тучи, чтобы только взглянуть на этих полубогов.

– Очень интересно, но есть нюанс, – аккуратно вставил ремарку Серетун.

– Ну что еще, – недовольно спросил Натахтал.

– Гадис в наручниках – и колдовать не может, – ехидно заметил волшебник.

– Так давайте снимем их, – с улыбкой предложил воитель.

– Боже, кого ты мне подсунул? – Серетун взялся за голову.

Как же лестно он ко мне обращается...

– Весь день надо мной измывается, – заканючил Натахтал. – То ему не так, это не так. А я, может, дома годами не видел. Я уже не помню, как выглядит мама. Хотя, и раньше не особо помнил.

Боец обхватил лоб громадными ладонями, кончики его ушей покраснели.

Неожиданно для самого себя, Серетун ощутил прилив отеческой нежности к расстроенному воителю. Чародей не мог не заметить, как Натахтал старается всем помочь, как выбивается из сил, чтобы сделать добро ближнему. И сейчас, в такой тяжелый для него момент, неутомимый боец как никто нуждался в дружеском плече. В добром и понимающем покровителе. Разве трудно осчастливить друга простым добрым словом, разве тяжело вселить надежду в ослабленную терзаниями душу?

– Хорошо, уговорил, – обратился к воздуху могучий кол-

дун. – Он действительно славный малый, а я не зараза какая-то бесчувственная, как ты себе решил.

– Ты с кем сейчас говоришь? – испуганно спросила Астролябия.

– Простите, господа, – Серетун обвел узников почтительным взглядом, – но мне нужно посекретничать с красавицей.

Волшебник, элегантно приобняв девушку, отвел ее в угол камеры. Боясь, что целая сюжетная линия может рассыпаться, потому что кое-кто – невероятный чурбан, Серетун попробовал возвать к примитивному чувству ревности. Но вместо этого Натахтал с изумлением отметил про себя, что шальная стрела давно исчезла без следа. Рука чародея была здорова. Это небольшое наблюдение родило целую плеяду гипотез насчет творящейся сегодня чертовщины.

Серетун минут пять шептал красавице на ухо нечто неведомое. Астролябия успела несколько раз измениться в лице: она спорила, затем рассердилась, потом что-то спросила, расстроилась и, наконец, смирилась.

– Я попробую снять наручники, – мягко сказала девушка, присев рядом с Гадисом.

– Ты же не колдунья, – поразился Натахтал. – Быть того не может.

– У нее другая магия, – объяснил Серетун. – Таких стражники не чувствуют. Даже мы не чувствуем.

– Тогда откуда ты... – воитель затих, зная, что никакого ответа не получит. Зачем вообще спрашивать что-то, если

никто не откликнется?

– Только нужно, чтобы все поверили, – лирично, но без пафоса вещал чародей. – Поверили в Астролябию, как в живого человека, со своими желаниями и страхами. Дали обрести силу, без которой ее жизнь будет бессмысленной. Возложили огромный букет к пьедесталу ее величия. Только ваши открытые для чуда сердца способны сотворить то, чего по одиночке мы не смогли бы.

Велика твоя сила, о, волшебник, – как сказал бы Натахтал. Правишь персонажей на свой вкус, значит. Сам просишь о помощи, а потом, не советуясь ни с кем, вынуждаешь наделить бутафорию полноценной личностью. Что же ты задумал, лихой чародей? Всего несколько часов, как ты возник из воздуха, но такое чувство, что был всегда.

Да уж, интриговать ты умеешь лучше меня. Астролябия, видимо, теперь знает, что она – персонаж. Большое потрясение – осознать, что тебя на самом деле не существует, и главное твое предназначение – развлекать пресыщенную публику, способную высказывать только вялое недовольство.

Хитер, Серетун, хитер. Отвел Астролябию подальше, чтобы даже автору приходилось догадываться, о чем вы говорили. Но я не так глуп, как тебе хочется.

Если осознание своей сущности поможет девушке убрать наручники, то я, пожалуй, дам ей шанс. Теперь Астролябия

станет полноценным персонажем, со своей предысторией и мечтами.

Потому что я в нее поверю.

Очередная пространная отповедь великого чародея, к счастью, не породила дополнительных вопросов: герои начали привыкать к его неординарной манере общения. Сумасшедшее поведение уравнивала поразительная ясность ума, рождающая на свет дельные идеи, как выбраться из дурацкой тюрьмы.

В ответ на поэтическую просьбу, каждый из присутствующих в камере взял и поверил в красавицу. Неважно, что Астролябия и так стояла перед узниками во плоти. Призрачный вкус свободы манил до такой степени, что все были готовы поверить в самих себя хоть трижды.

Красавица обхватила руками искрящиеся кандалы и закрыла глаза. Вопреки ожиданиям, никаких эффектов не случилось: свет горел, как и раньше, ветер не собирался тревожить листву, и стены тюрьмы, не дрогнув, остались унылым серым бельмом на глазу города. А вот наручники – пропали. Как это случилось, никто не понял. Никто, кроме Серетуна и самой красавицы.

– А теперь верни своему брату кифару, – также мягко произнесла девушка.

У Бадиса от изумления отвисла челюсть: еще никто не произносил это слово правильно.

Потерев запястья, Гадис прошептал несколько строчек, концентрируясь на отнятом предмете.

«Встречайте, только сегодня и только проездом – несравненный бард Казинакис с новой программой античных песен!» – пронеслось в голове у юного чародея.

В этот самый момент на сцену одного из самых вульгарных кабаков соседнего Крепководска вышел шестипалый музыкант, только вчера приобретший новую кифару у местного торговца за жалких три золотых. Взяв стандартный ля-минор, бард затянул лиричную балладу о подвигах противостоявших оркам пейтеромцев. Когда Казинакис занес руку ударить до-мажор и доподлинно описать причины появления полуорков, кифара исчезла. Все шесть пальцев громко прошелестели по мятым шортам, и публика застыла в изумлении.

– Ну вот, можно и пообедать, – сказал Гадис с улыбкой, возвращая инструмент законному владельцу.

Вернуть к жизни заглохший автомобиль довольно просто. Достаточно прихватить не совсем адекватного, но верного друга, способного толкать. Взяв кузов на упор, закадычный товарищ напряжет рельефный пузик и приложит максимум усилий, чтобы сдвинуть с места колымагу, пока вы спокойно сидите за рулем в ожидании искры. Надменно хохоча, движок некоторое время будет саботировать ваши старания, заставляя проворачивать колеса вручную.

Если осуществлять эту операцию посреди оживленного проспекта, тромбом перекрыв важнейшую артерию города, произведенный эффект многократно усилится. Толпа будет ликовать, со всех сторон понесутся торжественные фанфары, возвещая о неприкрытом желании вас переехать. Суть процесса не изменится, а удовольствие возрастет.

В решающий момент, когда позади ухабистой лентой заpestрят километры, один щелчок решит все, и хохот машины перерастет в рык царя зверей. Довольный друг запрыгнет внутрь, громыхнет дверью – и вас впитает красочный закат, освещающая лица злобных водителей, которым никто не компенсирует бездарно прожитые пять минут.

Завести сдохший пароход – гораздо труднее. Даже если пригнать целую армию самоотверженных задавак и вручную

оттолкнуть судно от причала, ничего не изменится. Разве что, течение подхватит корпус и бесконтрольно впечатает в ближайший терминал.

Причин поломки может быть масса. Чтобы разобраться, нужно притормозить и трезво оценить ситуацию, не забывая о деньгах, конечно же. Стоять у причала накладно, поэтому для нас откомандировали пять буксиров, любезно вытянувших судно в нейтральные воды.

Путь мы держали неблизкий. Четыре ночных часа ушли на то, чтобы переправиться к месту назначенной стоянки. В тот момент я понял, что "спать на концах" – это буквально. Ласковое журчание воды, приглушенный бас буксиров, эластичные тросы под спиной. Окружение способствовало погружению в чарующий мир снов, и только рация, шебурша, мешала окончательно сомкнуть глаза, ловя волну блаженства.

– Готовьте левый якорь к отдаче, – командовал капитан.

Хорошо, что на баке второй помощник, а я могу тихо дремать, согреваемый прослойкой контейнеров над кормой. До одеяла им было далеко, но все же ящики создавали некую иллюзию уюта. Открытая палуба носа – напротив, обдавалась сразу всеми ветрами, ласково хлопающими по щекам.

– Сообщите лебедку и спустите якорь в метре над водой, – продолжал инструктировать Василий, разгоняя сонный морок.

Заняв удобное положение, капитан приказал травить

цепь. Пошел отсчет смывчек, пока лапы массивного тела не зацепились о подводный грунт. Звенья натянулись и ослабли.

Судно заняло свое место для ремонта.

Утром, с первыми китайскими мухами, понеслась вереница писем со всего света. Взмолнованные фрахтователи, не покладая пальцев, строчили длиннющие послания с инструкциями, попутно сыпя обещаниями о двух неделях спокойной стоянки ради основательного ремонта движка. Судовые менеджеры закипали в офисах, ища возможности доставить на борт техников, способных разобраться в груде железа. Владельцы смотрели на импровизированное “Шапито” и хлопали ресницами, наблюдая, как тают их кровные средства.

Все были при деле.

Капитан безостановочно роптал на старшего механика, виня его седеющую голову во всех бедах. Выход судна из фрахта навсегда останется на сердце рубцом, плавно переходящим в личное дело. Ох уж этот негодник Георгий: что-то там подкрутил, и все поломалось.

Бип-бип!

К левому борту причалил катер с первыми ласточками затяжного, прямо как по Жванецкому, ремонта. На трапе показались два бескрылых ангела во плоти, являя собой всю мощь китайской тяжелой промышленности. Прыгнув с места в карьер, азиаты тотчас облачились в красные от соб-

ственной важности роботы и скрылись в глубинах машинного отделения. Механики дружно засемили следом, оставив Георгия начальствовать в главном пункте управления.

– Пойду немного вздремну, – предупредил меня капитан, битых два часа борющийся со склеивающимися веками. – Если что – звоните.

Работа велась целый день. То и дело чумадые механики забегали на мостик с новостями и просто перевести дух. Георгий тоже несколько раз появлялся в поисках капитана, не испытывая особой радости по этому поводу.

Ближе к вечеру в почту проскочило важное письмо. Очень странное, и очень важное.

– Надо сниматься с якоря, – сказал я капитану в трубку.

– А что движок?

– Починили, говорят.

– Сейчас протестируем.

Через минуту Василий уже был на мосту и держался за ручку телеграфа, прикладывая к уху трубку, чтобы говорить с механиками. Пробный пуск показал, что машина справляется со смыслом своего существования.

– И где обещанные две недели? – спросил у воздуха капитан, читая письмо от нанимателей. – Теперь ехать на другое побережье. Причем, быстро.

Тонко указав наше место в мировой экосистеме, фрахтователи послали судно в порт Нанша для "стыковки груза", как сами выразились. Путь должен был занять полтора дня.

Экипаж, настроенный на две недели покоя, разочаровался в жизни окончательно.

Для меня плохих сюрпризов было немного больше.

– Помнишь, что ты сказал мне на последней швартовке? – издалека зашел Василий.

– Немного закусило конец, – процитировал я сам себя в ожидании тяжелого разговора.

– Точно, – ответил капитан. – Но ведь все было не так.

– Ну, да, – замялся я.

– Если ты еще не понял, то расскажу: все заказы деталей для ремонта проходят через меня, – Василий продолжал сидеть у компьютера, вынуждая меня стоять вполоборота между иллюминаторами и столом с мониторами. – Так уж вышло, что лебедке вдруг понадобились запчасти. Я начал выяснять, что случилось. Но лучше расскажи ты.

Капитан откинулся на спинку стула в предвкушении.

– Я слишком резко начал вирать³ конец, и он попал между барабаном и основанием. Хотел быстрее закрепить судно: мы же без машины были.

– Не надо крутиться, как уж на сковородке, и сочинять оправдания, – с уничтожающей лаской сказал Василий. – Это самая обычная халатность.

Я молчал. Трудно было угадать, какой он ждал от меня реакции.

– И вообще, – продолжил капитан. – Когда ты только при-

³ То же, что и «выбирать», только от слова «вира». Морской слэнг

ехал, я сразу предупредил: докладывать обо всем, ничего не скрывая. Если бы ты сразу сказал, никаких претензий не было бы. Но ты смог ухудшить ситуацию. Почему так вышло?

В голове всплыли моменты, когда Василий без разбора переходил на личности, использовал крепкие ругательства и заводился от не заслуживающих внимания мелочей. Один только случай, когда капитан наорал на меня за то, что зарплатные ведомости с подписями я положил на мостике, а не в его каюте, чего стоит.

– Побоялся, – честно ответил я.

– Ты же понимаешь, что я теперь точно не могу тебе доверять? – Василий поднялся и подошел ко мне, прислонив дужку очков к губам.

– Понимаю. Простите, – в этот момент я действительно почувствовал стыд. Только перед самим собой. Необъяснимым образом мне удавалось позволять другим манипулировать эмоциональным состоянием. Одного короткого разговора хватало, чтобы почувствовать ненависть к себе. Что капитан, что главред имели надо мной удивительную по своей жестокости власть.

– Наверное, сидишь там у себя в каюте, песенки сочинишь, или книжки пишешь, – капитан с удовольствием влез на личную территорию, сравнивая с землей все, что дорого. – Не думаю, что и там у тебя что-то выйдет с таким отношением к делу. Вот сейчас нам грозят серьезной инспекцией. Уверен, что пройдешь ее?

– Василий Петрович, – только и сказал я. Не хватало сил противостоять натиску тяжелой артиллерии, заточенной только под меня. У каждого должен быть свой хищник.

Мой стоял рядом.

– Не нужно детских извинений, – таким же вкрадчивым тоном продолжал капитан. – Напишешь мне объяснительную. Уже третью, кажется.

– Хорошо, – тихо сказал я.

– Привыкай отвечать за поступки, – на этих словах Василий снова уселся перед монитором и продолжил деловую переписку, как ни в чем не бывало, оставив меня с тяжелым чувством собственной никчемности.

Ремонта машины хватило аккурат до следующего порта. По указанию порт-контроля мы отправились на рейд, чтобы переждать денек перед посещением причала. Вот тут-то движок и накрылся. Опять.

Обладая недюжинным логистическим чутьем, любимый менеджмент прислал нам специалистов из Гонконга на катере. Вместо того, чтобы воспользоваться внутренними авиалиниями, китайские техники, подобно первооткрывателям, решились обогнуть массивное побережье на уязвимой скорлупке, ведомые течением и слабым моторчиком.

В этот раз ремонт провели основательный. Заменяли трубки, подающие топливо к поршням и отладили систему воздушного пуска так, чтобы она работала хотя бы в половину мощности. Зная о том, что проблема не решена оконча-

тельно, боссы из офиса слезно умоляли не сообщать об этом лоцману, чтобы судно избежало позора и вернулось к обычному режиму работы, не потеряв нанимателей бесповоротно.

Вечером, готовясь морально к вахте с лоцманом и капитаном, я досматривал довольно милый комедийный сериал. Концовка оставила нехороший привкус, перечеркнув все девять сезонов. Настроение сползло ниже позволенного минимума.

Из динамика общесудовой связи раздался встревоженный голос Василия: "Третий помощник, срочно пройдите на мостик! Третий помощник, срочно..." Я сразу понял, что с движком опять проблемы и устремился по лестнице наверх.

На душе стало даже радостно: карма, все-таки, нашла своих героев.

Миллиарды веков назад, когда время было только чьим-то сном, вокруг простиралась молчаливая пустота. Упиваясь покоем, безбрежный вакуум заглядывал в собственное нутро, не угасая и не перерождаясь. Грандиозное по своей масштабности ничто источало отрешенность – главный закон небытия.

Ни шороха. Ни вздоха.

Ничего.

Раздираемое отсутствием движения полотно вырождалось под скорбное безмолвие удушающей свободы. В сердцевине мрака зародилось едва заметное колыхание тонущих под толщей бездны звуков. Крохотные проблески темной энергии закручивались вихрями – и тут же гасли незамеченными.

Постепенно вспышек становилось больше. Крича и полыхая, бездыханное пространство отторгало смертную оболочку покоя. Снопы торжествующих искр накладывались друг на друга, множились и не успевали затухать. Набирая необъятную протяженность, бесконечные всплески активности обретали плоть: туго скручивались тончайшими нитями и резали заостренное чрево непреклонным стремлением вперед.

Так появилось слово – от желания запечатанного кладбища жить.

Нити набухали, слов становилось больше. Прежде нерушимая, пустота агонизировала: колебания притягивались друг к другу, извергая целые фразы и накрепко сплетая их в предложения, как звуковые эманации – в ткань повествования.

Вселенная порождала саму себя.

Вслед за предложениями на свет выходили тексты, рассказы и повести. Нити сюжетов, сворачивались клубками, обрисовывая персонажей, заставляя их совершать поступки. Поначалу картонные, герои со временем обретали плоть, кровь и душу.

Достаточно было поверить в них.

Что произошло? Они были такими настоящими. Будто стояли перед глазами.

Нет, это меня дозорные завели под руки в камеру, к Латис и близнецам, к Натахталу, великому волшебнику и Астролябии. Кто она? Вторглась в текст, начала перекраивать саму реальность и даже не спросила. По сравнению с ней, Серетун – мальчишка с побрякушками. Истинная магия – в этой девушке. Загадка, преследующая самого автора.

Нужно вывести героев из тюрьмы и разобраться, кто же эта небывалая красавица, возлюбленная самого Натахтала...

– Эй, Арристис! – позвал пернатый стражник повара. – Гони хавку, сегодня аншлаг.

– Пустеет тюремная казна? – из окошка высунулся массивный клюв упитанного потомка туканов.

– Три человека, три полуорка – и все без гроша, – вздохнул матерый стражник и распушил оперение. Когда-то его дразнили за голубиный хохолок, но Гуль-Буль упражнялся, окреп и наваял обидчикам, чем сразу вызвал уважение друзей.

– У меня ничего нет, – развел руками повар. – Могу сварить пшеницу.

– Ты что? – щелкнул клювом Гуль-Буль. – Сидеть без ужина из-за этих нищелюбов я не собираюсь.

– Но покормить их надо, закон обязывает! – разволновался ответственный Арристис.

– Закон? – фыркнул крепкий голубок. – Ты б столько не прокормил, сколько тут должно сидеть.

– И то верно, – сдулся пузатый кулинар. – Но голодные обмороки нам не нужны.

– Думаешь, стоит сходить закупиться? – нехотя спросил стражник.

– Уверен, – отрезал Арристис и снова уставился в кроссворд на последней странице «Пейтеромского вестника». – Слушай, Гуль, как называется густой соус из овощей? Четыре буквы по горизонтали.

– Ты же повар, – уничижительно сказал дозорный и гордо покинул полупустую кухню.

Спустившись по лестнице, Гуль оказался на этаже заключенных.

В былые времена, когда земли подле Пейтеромска считались феодальным наделом, камеры наполнились уголовниками разной масти. Тюрьму занимали шаромыжники и наперсточники, карманники и форточники, жулики, убийцы, душегубы и готовящиеся к эшафоту пираты. Суды работали чересчур усердно, и приговоры выносились со скоростью примерно сотня в день. Потеющие под париками лысины присяжных морщились от умственного напряжения. Твердотелая буква закона была вопиюще заглавной, нынешние ей не чета.

Время отсталого человеческого строя.

Когда в Пейтеромск вторглись орки, устаревшая система подверглась детальному пересмотру. На смену оголтелому феодализму, еле превзошедшему рабство, пришли выборы. Поначалу местное население выказало недовольство: как же это – простой люд будет решать, кто теперь устанавливает порядки. Такая ответственность. Но вскоре народные массы успокоились, когда поняли, что их голоса, как и прежде, ничего не решают.

Главным приобретением для пейтеромцев стала коррупция. Благодаря ей многое изменилось в жизни людей, а через полвека – метисов. Правосудие для сокращения расходов оптимизировали, оставив на огромное тюремное зда-

ние минимальный штат из дешевой рабочей силы в виде дородных туканов-поваров и стражей-голубей. Отпала нужда в массовых заключениях, планы раскрываемости снизили. Ручки птичьих потомков зачесались, и вскоре начались ложные обвинения да подставы. Вороватым жителям, как правило, хватало средств откупиться, и тюрьма пришла в запустение.

Только сегодня было непривычнолюдно. В довесок к паре калек пришлось посадить еще шестерых. Надо же, чтоб в один день у стольких человек – ни гроша! Современная система правопорядка не справлялась с таким разгулом преступности, и содержание еще нескольких узников требовало жертв.

Художественно насвистывая, Гуль-Буль медленно шел по коридору, вглядываясь в роскошные интерьеры камер. Привычная парочка вечно спящих бомжей не вызвала у молодого стражника интереса. В часы бодрствования с ними случалось поговорить о вечном, но моменты эти были редки, поэтому Гуль предоставил босяков самим себе.

Ближе к середине коридора было интереснее. Шестеро непонятных субъектов, разломавших вольготный уклад жизни стражников. Присутствие этих заключенных обязывало регулярно патрулировать этаж. А теперь ещё пришлось идти за продуктами, чтобы никто не умер с голоду.

– Ну вот, можно и пообедать, – донеслось из той самой камеры.

Ох уж это новое поколение. Даже в тюрьме уверены, что их накормят и обогреют. Никакого внутреннего стержня...

Разливаясь плавным эхом, к ушам Гуля потекла чарующая музыка. Издавая ее обычный инструмент, охранник бы уже со всех лапок мчался в камеру, чтобы отобрать запрещенный предмет и выяснить, кто посмел. Но мягкий тембр кифары одурманивал, внушая умиротворение, манил к себе и подчинял волю любой силы. Гуль шел к камере, не понимая, что намеревается выпустить преступников. Потом ведь пришлют разгромные письма, придется составлять объяснительные.

Неважно.

Есть только звук, за него и держись. Подобно спасательному кругу, музыка тащила дозорного из реальности в свой мир, где нет проблем. Завороженный, Гуль думал только о том, как бы дойти до решетки прежде, чем уснуть. С каждой секундой веки становились тяжелее, а шаги короче. Взволнованные голоса арестантов звучали словно через вату – также глухо, успокаивающе. Последним титаническим усилием Гуль попытался дотянуться до замка, но не справился и медленно осел на пол. Глупо хихикнув, дозорный закрыл глаза и откинулся на спину, приняв положение звезды. Облака понесли его навстречу призрачным видениям Морфея. Прежде, чем стражник окончательно уснул, где-то внизу раздался возмущенный голос:

– Скажи теперь, как мы ключи достанем?

Бадис, сжимая в руках кифару, ошарашенно смотрел на пернатого, мирно спящего всего в паре метров от решетки. Ключи вывалились из кармана и соблазнительно лежали на расстоянии чуть большем, чем вытянутая рука огромного Натахтала. Как ни старался великий воитель подобраться к заветному брелочку, ничего не получалось.

– Я же говорила, не спеши! – сетовала Латис на братца. – И где ж ты такой взялся на мою голову.

Ее красноречивая поза выражала все, что продавщица думала о бестолковых близнецах.

– Лучше б я твой инструмент не возвращал, – насмешливо сказал Гадис. – Такой концерт человеку сорвали.

Парень видел, как в Крепководске уже разносили афиши с наградой за голову таинственного невидимки. Рыдающий Казинакис описывал холод заточенной стали, приставленной к его горлу прямо на сцене. Публике нервы, а ему – эпатаж.

– Я, конечно, понимаю, что должно быть интересно, – опять обратился Серетун к воздуху, – но не настолько же. Нам нужно скорее выйти отсюда!

Астролябия укоризненно покачала головой и проронила:

– Есть среди нас чародеи?

– Я еще не восстановился, – ответил Гадис. Перенос ки-

фары дался юному волшебнику с большим трудом.

– Сможешь снять и с меня кандалы? – спросил красавицу Серетун.

– Не уверена, но попробую, – собранно ответила Астролябия и обхватила наручники великого мага. Едва осознав собственные возможности, девушка тут же начала расточительствовать силами.

Впрочем, как и любой человек.

Вдали раздались частые шаги, а затем кто-то крикнул:

– Гуль!

– Еще один стражник, – разволновался Натахтал. Не вынимая руки из решетки, вдохновенный боец обернулся, чтобы рассмотреть реакцию товарищей. Вид его при этом был совершенно нелепым, и нужного драматизма нагнать не получилось.

– Играй, Бадис, играй, – одобрительно сказала Латис. – Ему точно пора баиньки.

Юный бард сел на скамью и принялся тихонько щипать заколдованные струны. Астролябия что-то шептала, касаясь наручников чародея. Девушке никак не удавалось заставить их исчезнуть. Все же, истинная магия отнимала чересчур много сил у новичков.

– Гуль, ты где? – продолжал звать стражник. Медленно продвигаясь по коридору длиной в целый квартал, он не сразу заметил распластавшегося на каменном полу сослуживца. – Ты чего разлегся?

Завидев товарища, потомок голубей припустил со всех лапок в сторону злополучной камеры. Что ж за день сегодня такой!

– Подкрути громкость, – посоветовал барду Серетун.

Музыка зазвучала увереннее, проникая сквозь толстые перекрытия неприступной тюрьмы. Окутывая кварталы мелодичными нотами, звуки древней мелодии ласково коснулись каждого уголка Пейтеромска, останавливая жителей, которым захотелось послушать ностальгические нотки.

В тюрьме почти ничего не изменилось. Латис все так же напряженно ждала развязки, Астролябия, краснея, не справлялась с кандалами, Серетун художественно закатывал глаза, Гадис тщетно пытался заставить ключи подчиниться, и лишь неутомимый воитель раскатисто храпел, замерев с протянутой рукой.

– Так не бывает! – воскликнул Серетун, первым заметив неладное. – Останови шарманку, ты не того усыпил.

Испугавшись, близнец барда нашел в себе силы стянуть ключи ровно за секунду до того, как на них наступил коричневый голубок.

– Ух ты, пожарник, – радостно воскликнул Гадис.

– Повежливей, – одернула его сестра. – Не пожарник, а брауни-пейтеромец.

– Вы что творите? – потрясению остроклювого дозорного не было предела. – Срочно подмогу!

Стражник во всю прыть ускакал, чтобы забить в ближай-

ший колокол, созывая праздную спящую смену. “Ничего себе – передал, что еще нужна соль!” – возмутился про себя голубок. – “Спасибо, Арристис, что загнал в этот чертов коридор. Ни один из стражников уже давно не готов к чрезвычайным ситуациям, а тут их сразу столько.”

– Бежим, бежим, – скомандовал Серетун. Кандалы все еще сжимали его запястья, но у волшебника родилась прекрасная мысль обойтись без чар. Вместо того, чтобы тащить массивного воителя, чародей предпочел взять голубка в оборот и приступить к грязному шантажу.

– Руки вверх, – лаконично промолвила Латис.

Пернатый стражник отлип от колокола и повернулся.

– Ну и что вы мне сделаете? – презрительно бросил дозорный беглецам. – Вас сейчас скрутят и отправят в карцер за нападение на должностное лицо.

– Во-первых, нас пятеро, а ты один, – заметил Серетун, покосившись на спящего Натахтала. Грозный воитель был временно недоступен.

– Во-вторых, я тебя заколдую, – подхватил Гадис, хотя прекрасно понимал, что может только блефовать.

– А я усну, – вякнул Бадис, думая о том, что прицел у его кифары надежно сбит.

– Скидку не дам, – грозно бросила Латис – единственная, кто испытывал гордость за себя.

– Еще не придумала, – отмахнулась усталая Астролябия.

– Снимай кандалы, – выставил ультиматум великий вол-

шебник. – А затем проваливай.

Голубок растерянно переводил взгляд с одного безумца на другого. Когда он устраивался в тюрьму по объявлению, никто не предупреждал, что придется иметь дело с настоящими головорезами. Собрав всю волю в пернатый кулак, дозорный подавил последние очаги страха и ответил ровным голосом: – Ладно. Только не говорите, что это был я.

Голубок достал из кармана хитроумное устройство. С виду оно напоминало пассатижи, только на самом конце плясали те же чудные искры, что опутывали кандалы. Зажав любопытным приспособлением левый браслет, пернатый прищемил Серетуну кожу.

– Аккуратнее! – выпалил раздосадованный волшебник. – Я тебе это припомню.

Потерпи, мой хороший. Мы еще не закончили. Это была маленькая мсть за нервы, которых уже не вернуть. Дальше – интереснее. А пока – всего лишь небольшая проказа.

Вот только строить козни Серетуну становится все противнее. Будто я сам превращаюсь в Василия, который и дня не может без того, чтобы не покрутить кому-нибудь мозги.

Вызволив чародея из плена, стражник молча сбежал, чтобы не дай бог не вступить с арестантами в неуставные отношения. Судьба усыпленного Гуль-Буля совершенно не вол-

новала трусливого голубка.

Серетун, недовольно потирая руку, пошел будить неутомимого воителя. Брови великого волшебника насупились. Сосредоточенно присев над храпящим телом, чародей принялся величественно стучать по Натахталовым щекам, приговаривая:

– Вставай, спящая красавица!

– И все? – разочарованно спросил Гадис. Не таким он хотел стать, когда повзрослеет.

– Надо беречь силы, – рассудительно отозвался чародей, продолжая отвешивать воителю все более тяжелые оплеухи.

Не мог бы Серетун называться великим волшебником, если б не умел лукавить.

В мире эскапистов магия была весьма нестабильной. Зависела она исключительно от веры того, кто наводит заклинания. Принимая выдумку за реальность, можно открыть много нового, в том числе и магические способности.

Дети были самыми сильными волшебниками за счет своей непосредственности. Естественно, никто в здравом уме не сообщал им это, иначе беды было бы не миновать. Их обучали и ждали, пока они повзрослеют, чтобы сила сравнялась с учительской.

Выражение "Если б юность знала, а старость могла" тут понимали слишком буквально.

Серетун верил в происходящее, только когда вокруг царил мрак войны. Поэтому его хижина и стояла у поля брани

– где источник силы максимальный.

А сейчас волшебник был особенно уязвим, потому что находился в более мирном уголке цивилизации и хранил страшный секрет.

Ой, знаю я твой секрет. Со мной общаешься, вот тебе и тошно. Я бы тоже не был в восторге, если б за меня думал и решил автор. Это же какой стресс – узнать, что ты, в лучшем случае, следы чернил на бумаге, а в худшем – пучок байтов на недолговечном жестком диске.

Наконец, глаза неутомимого бойца открылись, и он ослабленно улыбнулся столпившимся вокруг беглецам.

– Как приятно, что вы рядом, – блаженно молвил воитель, потянувшись.

– Хорош валяться, – рявкнул Серетун. – Нас ждет великая битва.

– Как? Где? – Натахтал тут же подскочил, выхватив острый клинок.

– Вообще-то, на входе все отобрали, – резонно заметил волшебник, обращаясь в пространство.

Рука воителя проскочила мимо того места, где должны были находиться ножны. Натахтал подумал секунду и тихо молвил:

– Бегом.

Бывших узников не пришлось уговаривать дважды. По ко-

манде все шестеро рванули к лестнице что есть сил. Близнецы, упорно толкая друг друга, рассердили сестру в конец, и Латис крикнула:

– Прекратить!

Добравшись до конца коридора, странная компания уже собиралась спускаться, но ее пыл остудили стражники, поднимавшиеся на этаж по той же несчастной лестнице. Десять отборных сизоруких солдат готовились вязать героев, не пренебрегая физической силой.

– Прорвемся, – оптимистично заверил друзей Серетун.

Отрезав путь к отступлению, голубки начали недовольно урчать, пытаясь тем самым подавить собственный страх перед опасными преступниками. Им удалось принять достаточно грозный вид, чтобы доблестная шестерка по-настоящему прониклась степенью своей вины.

Морская профессия обязывает к незамедлительному принятию решений в критических ситуациях. Находясь на борту, мы должны отдавать себе отчет, что – никто, кроме нас. Выпадет человек за борт – спасать его нам, будем гореть – тушить пожар нам, будем тонуть – эвакуироваться тоже нам. Выглядит это справедливо: мы сами выбрали этот путь, а значит, должны нести ответственность.

На деле же все немного сложнее.

Миром правят деньги. Это известно каждому. Прогресс вершится только из соображений экономии. Поэтому наш любимый менеджмент и осмелился отправить хромое судно в порт, наврав лоцману об отсутствии проблем.

Одной из причин, почему капитан мог срочно вызвать меня на мостик, было его желание устроить очередной выговор. Но в этот раз все оказалось гораздо серьезнее.

На пути в порт, прямо с лоцманом на борту судно заглохло в узеньком канале, отдавшись на волю течения. Вахту несли старпом с капитаном. Экипаж уже подняли на уши, чтобы бросить сразу оба якоря, если понесет в сторону берега.

– Все-таки, доигрались, – шепнул я Максиму на ухо. Мы тихонько засмеялись, но мастер это услышал.

– Очень весело? – обратился Василий ко мне. – Сейчас

выпишу предупреждение, и уже не захочешь смеяться.

– Кхм, извините, – ответил я. Оказалось, так проще. Не пререкаться, не лезть на рожон, а просто покорно кивать головой.

Некоторым нравится чувствовать свою правоту.

– Капитан, я не буду заводить вас в порт, – послышался мягкий китайский говор лоцмана, когда движок смог стартовать.

– Ну, что ж, справедливо, – ответил Василий.

– Лодка уже в пути. Приготовьте трап с правого борта.

Удостоверившись, что мы не будем ломиться к причалу и пойдём на рейд, узкоглазый навигатор покинул борт.

В этот раз честь бросать якорь выпала мне. На залитой светом палубе бака, устало рассматривая огромную цепь, толпились два матроса и боцман.. За последнее время это был уже седьмой раз. Помимо чрезвычайной нужды, находясь в китайских водах, мы постоянно сбивались с расписания: то туман, то судно задержится у причала. Приходилось занимать выжидающее положение.

– Приготовьте левый якорь к отдаче, – сказал по рации капитан. – Сначала снимите стопор, потом сбросьте крепеж цепи. Лебедку не сообщайте, пока я не скажу.

По части бесполезных инструкций Василий был профи.

– Якорь готов к отдаче, – ответил я, когда нужные операции были проделаны.

– Хорошо, ждите, – ответил капитан.

– Ждите, – передразнил его боцман. – Каждый раз по полчаса стоим, пока он созреет.

Медленно продвигаясь среди таких же зависших на отстое пароходов, мы приближались к месту, обозначенному портовыми службами.

– Опустите левый якорь, чтобы был метр над водой. Только с помощью лебедки, – скомандовал Василий, дав еще одно ценное уточнение.

– Сделано, – отрапортовал я.

– Хорошо, ждите, – ответил капитан. Мы с боцманом усмехнулись.

Следующие полчаса прошли в разговорах о жизни рядом с контрольным рычагом. Матросы кукарекали между собой на родном тагалоге, а Роберто рассказывал мне о своих проблемах.

Стандарт филиппинской семьи – много детей. Боцман не был исключением. Только все его бесчисленные братья и сестры разлетелись по свету. Предполагалось, что на днях грядет торжественное воссоединение в честь дня рождения отца, но Роберто все еще не получил новостей о замене. Его грызла обида за упущенную редкую возможность повидаться с родными, которые жили в Нью-Йорке, Австралии, Бразилии. Когда б еще вышло свести столько занятых людей в одном месте?

Вот и не мог боцман отделаться от грустных мыслей даже во время оживленной работы. Все, что ему оставалось, –

ехидно шутить в адрес капитана, покуда тот ничего не слышал.

– Вирайте якорь обратно, – сказал Василий по радиии, чем вызвал новую порцию искрометных комментариев в свой адрес. Особенно за возможность лишний раз прикоснуться к массивному стопору, для поднятия которого с места нужны две очень крепкие спины, и то – быстро придушие в негодность.

Надежно зафиксировав якорное устройство, мы продолжили ждать по указке с мостика.

Не прошло и десяти минут, как Василий снова вышел в эфир:

– Раскрепляйте левый якорь.

Ликованию Роберто и матросов не было предела. Филиппинцы никак не могли привыкнуть к изменчивому сердцу капитана: все-таки, он далеко не красавица, а противоречий полным-полно.

– Погрузите одну смычку в воду с помощью устройства, – раздалось по радиии.

Механизм заскрежетал, проворачивая барабан, на котором ржавой змеей ютилась цепь. Волны расступились, приняли огромное изваяние с лапами и сомкнулись над ним в причудливом танце.

– Готово, – доложил я.

– Хорошо, – подтвердил капитан. Его голос заметно слабел. – Ждите дальнейших...

Вдруг Василий затих. Мы с филиппинцами напряглись в ожидании следующих слов, но они все не звучали. Постояв еще пару минут в гнетущей тишине, я не выдержал и побежал на мостик. Воображение рисовало трагические картинки распластавшегося на полу Василия, которому никто не идет на помощь.

Лифт ждал внизу. Хорошо. Двери сомкнулись, и подъемник унес меня к самой вершине парохода. Половина пролета до мостика, распахнутая дверь.

Как ни в чем не бывало, капитан стоял, крепко задумавшись.

– Вы в порядке? – спросил я сквозь одышку.

Василий одарил меня неприятным взглядом и напал:

– Почему оставил якорь без присмотра?

– Показалось, вам плохо, – тихо ответил я.

– И поэтому бежал сюда, сломя голову? – от удивления

Василий приспустил очки на переносицу.

– Да.

Немного помолчав, капитан сказал более нормальным тоном:

– Ладно, иди обратно. Мы как раз на месте.

Наблюдать за бегущей вниз цепью – удовольствие не из первого десятка. Настил бака огражден наклонными переборками, выдающимися в сторону корпуса. Чтобы высмотреть якорь, нужно встать на горизонтальную опору шириной ровно в одну ногу, навалиться грудью на фальшборт и хоро-

шо вытянуть шею, не забывая при этом держать фонарик – ночь, все-таки. Опора мало того, что узкая, так еще и под наклоном. Ноги вынужденно сползают в нижнюю точку, и колени со всей силы упираются в косой металл.

Сидеть в античной позе приходится долго – пока не удовлетворишься, что лапы якоря вбороздились в грунт, и судно не сдвинется с места радиусом в длину корпуса плюс цепь плюс двадцать процентов навигационного запаса – для убийства погрешности.

Когда держащая сила достигает своего исторического максимума, цепь натягивается. А потом плавно оседает, демонстрируя, что поводок надежен. Это значит, что пора принять нормальное положение.

Выпрямленные колени сразу благодарственно гудят в знак того, что застоявшаяся кровь снова гуляет по сосудам, а в голове наступает просветление, сравнимое с Ньютоновским после меткого попадания яблока.

Все тяготы и лишения закончились ровно в полночь. Пора идти спать, потому что настало время второго помощника.

– Спасибо, – сдержанно сказал мне капитан, но его слова прервала УКВ-станция.

Китайские вестники спешили сообщить нам радостную весть: оказалось, что они неправильно назвали нам позицию, и теперь придется выбирать якорь, чтобы, отойдя на десять миль, пригвоздиться там.

– Какие талантливые управленцы, – возмутился я, если

переводить с великого и могучего.

– Можешь отдыхать, – успокоил меня Василий. – Мы сами справимся.

Утро настало ожидаемо, но резко огорошило нас интересными новостями.

Как выяснили очередные странствующие специалисты из Гонконга, во время ремонта на движок поставили трубы, изогнутые под неправильным углом. Из-за этого не хватало давления для подачи топлива, и пусковой воздух расходовался в три раза сильнее, чем нужно.

Ситуация накалялась, и наши менеджеры решились на беспрецедентный шаг: прислали на борт суперинтенданта, который отвечал совсем за другие суда, но находился в достаточной географической близости, чтобы срочно сорваться с места.

Суперинтенданты являются прямыми потомками аргузинов, стегавших плетями непокорных гребцов на галерах. Нужны они, чтобы мы не расслаблялись. Телесные наказания со временем превратились в выговоры и увольнения, но суть не особо изменилась: над моряками стоят люди, заведующие денежными потоками и карьерами высококвалифицированных офицеров.

Ступив на борт, наш технический босс первым делом отпрянул от Обормота, нахально предпринявшего попытку потереться об начальство.

– Держите его подальше, – попросил надзиратель. – И как

вас не штрафуют за ката на борту?

Экипаж в первые минуты знакомства понял, что придется стоять на ушах все время, пока дорогой начальник не уедет обратно к своим подопечным.

Звали индийского аргузина Субраманьян. В народе его нарекли, конечно же, Субару – за схожесть имен и потрясающую способность газовать с места. Надзиратель вел себя так, будто выпил целый ящик энергетика, поперхнулся и решил запить его еще одним. Работа виделась ему небольшим развлечением в перерыве от настоящей Работы – но только в пределах команды судна.

Первый час пребывания Субару на борту длился целую вечность. На головы бедных офицеров сыпались всевозможные вопросы и распоряжения, требующие незамедлительного ответа. Здесь грязно, там прицепите бумажку, тут поставьте подпись, и вообще, заведите журнал, чтобы вносить туда температуру помещений дважды в сутки. Все незаметно оказались при деле, маленький муравейник пришел в движение.

Только вопрос с главным двигателем Субару вывел на задний план.

Как и любому автору, при создании динамичного повествования мне пришлось столкнуться со спасением персонажей из безвыходной ситуации. Вопрос вдвойне осложнился тем, что действующие лица начинали нравиться. Нужно было обойтись минимальными потерями. Даже захотелось побережь Серетуна. Правда, для куда более грандиозного поворота судьбы.

Обладая хорошей фантазией, некоторые писатели изобретают целый сборник сказок и сверхмощную палочку, чтобы в решающий момент она путем тяжелой логической цепочки сообразила, кому принадлежит на самом деле. Другие же просто находят в зоне досягаемости потаенный лючок или удобные для акробатов стены. Хотя, порой дело кончается простым значком шерифа, защищающим сердце. Всем ведь известно: злодеи упорно метят туда, потому что на лоб ничего не нацепишь.

Сколько научных диссертаций уже было написано на эту тему, а проблема все равно преследует все новые и новые поколения писателей. Если копнуть глубже, палочка подчинилась правилам, которых раньше во вселенной не было, иначе бы восемьдесят процентов магических устройств осело бы на руках у двадцати процентов волшебников. Статистика

удручающая, согласитесь. С “богом из машины” еще Древние Греки переусердствовали, низводя прием до ранга позорного ширпотреба.

Остается один вариант: придумать нечто свое, используя доступные здравому смыслу инструменты. Внимательно перечитать абзацы в поисках ответа.

Это своеобразные игры разума.

Кошки-мышки с собственными мозгами.

Решение не заставило себя ждать. Оно было настолько изящным, что без сомнения вызвало желание поскорее описать, как мои головоломы убегут от перепуганных дозорных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.